

The book cover features a vibrant orange background with a radial pattern of thin, white and red lines emanating from the center. Scattered around the central text are several stylized icons: red circles with black outlines containing simple facial expressions (smiles, frowns, and a surprised open-mouthed face), and yellow coins with black outlines and a Russian ruble symbol (₽) in the center. The text is centered and reads:

ЛЮ
ЧЖЭНЬЮНЬ

ДЕТИ
СТАДНОЙ
ЭПОХИ

РОМАН

Лю ЧЖЭНЬЮНЬ

Дети стадной эпохи

«Гиперион»

2017

ББК 84(5 Кит)

Чжэньюнь Л.

Дети стадной эпохи / Л. Чжэньюнь — «Гиперион», 2017

ISBN 978-5-89332-326-9

«Дети стадной эпохи» (2017) Лю Чжэньюня стал пятым романом этого китайского писателя, переведенным на русский язык. Лю Чжэньюнь дарит нам увлекательное повествование о трагикомическом переплетении судеб нескольких незнакомых людей, словно стадо слепо следующих за своими инстинктами. В излюбленном сатирическом ключе писатель показывает моральное разложение всех слоев китайского общества — от высших чиновников до простого люда, их нравственную дезориентацию и абсурд повседневной жизни. Смех Лю Чжэньюня в этом романе достиг новых высот, и равных ему в новейшей литературе Китая нет.

ББК 84(5 Кит)

ISBN 978-5-89332-326-9

© Чжэньюнь Л., 2017

© Гиперион, 2017

Содержание

Первая часть	6
Предисловие. НЕСКОЛЬКО НЕЗНАКОМЫХ ДРУГ ДРУГУ ЛЮДЕЙ	6
Глава 1. НЮ СЯОЛИ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лю Чжэньюнь
Дети стадной эпохи

刘震云

吃瓜时代的儿女们

Издание осуществлено при поддержке Пекинской компании «Янцзы – культура и медиа нового века» #####

Ответственный редактор

А. А. Родионов

STRANGE BEDFELLOWS – Copyright

© Liu Zhenyun, 2017

First published by #####, 2017

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

The first Russian language edition published by Hyperion P. H.

© О. П. Родионова, перевод, 2019

© Издательский Дом «Гиперион», 2019

* * *

Первая часть

*Ничего случайного в жизни не случается.
Слова моего третьего дядюшки*

Предисловие. НЕСКОЛЬКО НЕЗНАКОМЫХ ДРУГ ДРУГУ ЛЮДЕЙ

Глава 1. НЮ СЯОЛИ

1

Все, кто видел ее впервые, говорили, что она товар стоящий. Глаза как у феникса, левый, правда, чуть больше, но, если не присматриваться, незаметно. Щупленькая, впрочем, в юго-западных провинциях крупных девиц и не водится. Старший брат Ню Сяоли, Ню Сяоши, тоже был невелик – метр пятьдесят девять, – так что и пару нашел себе под стать, рядом они смотрелись хорошо. Окажись его избранницей девица покрупнее, маленький рост Ню Сяоши сразу стал бы заметным. Единственным недостатком новой жены был хриловатый, больше похожий на мужской голос. Вероятно, именно поэтому разговаривать она не любила. Когда другие что-нибудь говорили, она просто улыбалась, если же от ответа было никак не уйти, то ограничивалась одной фразой, поэтому не казалась болтливой. Разговор с ней выглядел так:

– Тебя как звать-то?

– Сун Цайся.

– Откуда будешь?

– Из провинции N.

Провинция N находилась далеко на юго-западе.

– Провинция N огромна, из какого уезда?

– Циньхань.

Не зная, где находится Циньхань, собеседник приставал с другим вопросом:

– Сколько человек в семье?

– Семеро.

– Кто именно?

– Дедушка, бабушка, папа, мама, младшие брат с сестрой и я.

– А почему замуж здесь вышла?

– Из-за нищеты.

– Такая нищая, что проделала путь в несколько тысяч ли¹?

– Отец заболел.

На следующий вопрос она уже не отвечала и готова была вот-вот расплакаться. А собеседник заключал:

– По дому соскучилась.

Эту девушку Ню Сяоли привела из семьи Лао Синя, который проживал в деревне Синьцзячжуан. Жена Лао Синя тоже была родом из провинции N, и, по ее словам, Сун Цайся была ее племянницей. Свою племянницу жена Лао Синя оценила ни больше ни меньше как в сто пятьдесят тысяч юаней. Это вовсе не значило, что она ее продает, – такова была цена выкупа за невесту, поэтому никакого закона жена Лао Синя не нарушала. Ню Сяоли, прицепившись к хриплому голосу Сун Цайся, стала торговаться с женой Лао Синя и настаивала на семидесяти тысячах. Жена Лао Синя рассердилась и, хлопнув в ладоши, заявила: «Лао Сань из деревни Гуцзячжай в позапрошлом году нашел в провинции N невесту с заячьей губой, и пусть губу ей залатали, но когда она смеется или плачет, изъян все равно виден, так вот он отдал за нее сто двадцать тысяч. Лао Эр из деревни Уцзячжуан в прошлом году нашел женщину в соседней северо-западной провинции, разведенную, да еще и с ребенком, и ничего – выложил сто десять тысяч юаней. Так что меньше чем за сто тридцать не отдам. И то только потому, что срочная необходимость: у отца Сун Цайся обнаружили нефроз, и ему три-четыре раза в месяц требу-

¹ Китайская мера длины, равная 500 м.

ется делать диализ. Им нужны деньги. И потом, не надо так не надо. Если она не нужна вам, так ее уже ждет Лао Сы из деревни Сыцзячжай, который готов выкупить ее за сто сорок тысяч. Удерживает лишь то, что Лао Сы уже за пятьдесят, а племяннице моей всего двадцать один. Жалко, если нежный цветочек осквернит какой-то старикашка». Тогда Ню Сяоли прицепилась к низкому росту Сун Цайся, настаивая на том, чтобы жена Лао Синя все-таки снизила цену. В итоге на девяноста и ста десяти тысячах у них, что называется, нашла коса на камень. И когда Ню Сяоли уже сделала вид, что уходит, за нее уцепилась Сун Цайся и спросила:

- Сколько лет?
- Кому? – удивилась Ню Сяоли.
- Твоему старшему брату.
- Тридцать один.
- А тебе?
- Двадцать два, – опешив, ответила Ню Сяоли.
- Парень есть?
- В следующем месяце выхожу замуж.
- А дома, кроме вас...

Догадавшись, что ее беспокоит, Ню Сяоли ответила:

- Отец с матерью умерли восемь лет назад, так что никто тебя доставать не будет.
- Значит, твоему брату тридцать один...

Снова поняв ее намек, Ню Сяоли призналась:

- Он уже был женат, развелся, с ним осталась четырехлетняя дочка.

Тут, хлопнув в ладоши, в разговор встряла жена Лао Синя:

- Глянь-ка, я совсем забыла, что твой брат женится повторно, да еще и с приплодом.
- А кто кого бросил? – поинтересовалась Сун Цайся.

Ню Сяоли на секунду застыла, после чего откровенно призналась:

- Когда брат уехал на заработки, его жена сбежала с другим.

И тут Сун Цайся потянула ее за подол и сказала:

- Сто тысяч, и я пойду с тобой.

Жена Лао Синя стала отговаривать племянницу:

- Слишком мало, не поддавайся.

Тогда Сун Цайся объяснила, что в семью Ню Сяоли за такую цену идти стоит, и на вопрос жены Лао Синя почему, тихо и рассудительно ответила:

- Во-первых, у брата и сестры из семьи Ню не осталось родителей, Ню Сяоли в следующем месяце уйдет в другую семью, значит, хозяйкой в доме стану я. Во-вторых, старшего брата Ню Сяоли бросила жена, что говорит о его мягком характере. В-третьих, его дочке всего четыре года, она еще слишком мала, чтобы мной командовать. В-четвертых, я не хочу выходить замуж за старика Лао Сы из деревни Сыцзячжай, которому уже за пятьдесят.

Слушая доводы Сун Цайся, Ню Сяоли даже на месте застыла: она удивилась, насколько здраво та рассуждает. То, что она, в отличие от Ню Сяоли, додумалась до таких вещей, доказывало, что Сун Цайся умна. Кроме того, такое четкое видение перспективы говорило о ее хозяйственности. В этом плане старший брат Ню Сяоли, Ню Сяоши, был совершенно бестолковым, поэтому, учитывая, что в следующем месяце Ню Сяоли собиралась переехать в другую семью, в их собственном доме такого человека, как Сун Цайся, явно не хватало.

Итак, Ню Сяоли привела Сун Цайся в свою деревню Нюцзячжуан на смотрины к старшему брату. Ню Сяоши посмотрел на нее; посмотрели и облепившие двор соседи. Дождавшись, когда зеваки разойдутся, Ню Сяоли отправила Сун Цайся в восточную комнату выпить чаю, а сама вместе с Ню Сяоши пошла в гостиную на семейный совет.

- Как она тебе? – начала Ню Сяоли.
- Разве с первого взгляда разглядишь недостатки?

– Раз ты их не разглядел, значит, подходит.

– А нельзя еще присмотреться? Я, собственно, не тороплюсь.

– В следующем месяце я отсюда съеду, так что для тебя с Баньцзю некому будет готовить. Баньцзю звали четырехлетней дочку Нью Сяоши.

– У нее голос, как у мужика, – все-таки колебался Нью Сяоши.

– За приятный голос надо выложить сто пятьдесят тысяч, разве мы это потянем? – не выдержала Нью Сяоли.

Нью Сяоши понуро опустил голову и замолчал.

– Взял и за полдня купил жену, к тому же из другой провинции. Что люди скажут? – после долгой паузы наконец произнес он.

– Можно и отказаться, но тогда давай уже сам ищи себе пару.

Нью Сяоши снова никак не отреагировал; помолчав, он сказал:

– Если даже и соглашусь, сто тысяч – это немало.

В прошлом году они перестроили дом, и у них осталось всего двадцать тысяч юаней, так что брат с сестрой понимали друг друга без лишних слов.

– Об этом не беспокойся, – сказала Нью Сяоли.

С этими словами она прошла в восточную комнату, где договорилась обо всем с Сун Цайся, и та вернулась в деревню Синьцзянчуан ждать выкупа. Нью Сяоли тем временем на велосипеде отправилась в село к своему жениху Фэн Цзиньхуа. Нью Сяоли и Фэн Цзиньхуа раньше вместе учились в средней школе, после окончания которой Фэн Цзиньхуа открыл в селе мастерскую по ремонту мопедов.

– Одолжи восемьдесят тысяч, – начала Нью Сяоли.

Фэн Цзиньхуа, весь перемазанный, в это время как раз занимался ремонтом.

– Это немаленькая сумма, вся моя мастерская и то столько не стоит, – сказал он и тут же добавил: – За ремонт одного мопеда я получаю лишь несколько десятков юаней.

– Ну одолжи, – попросила Нью Сяоли.

– Для чего? – спросил Фэн Цзиньхуа.

– Женить старшего брата.

Фэн Цзиньхуа на секунду замер, а после продолжил расспросы:

– Если буду просить займы, люди спросят, когда верну. Что мне отвечать?

– Когда появятся деньги, – ответила Нью Сяоли.

– А когда они появятся?

– Ты еще ничего не занял, а уже раздул проблему, о чем ты беспокоишься? – рассердилась Нью Сяоли и тут же добавила: – Не вернет Нью Сяоши, верну я, хорошо? Считаю, что ты ничего моему брату не одалживаешь, пусть это будет выкуп за меня, идет?

С этими словами она развернулась и пошла вон.

После обеда Фэн Цзиньхуа приехал на мопеде в деревню Ньюцзянчуан и вручил Нью Сяоли семь тысяч.

– Это то, что мне удалось одолжить у моего дядьки, у тетки по отцу и у тетки по матери, – все, что оказалось у них дома, а свободных денег ни у кого не нашлось.

Глядя на эти семь тысяч, Нью Сяоли ответила:

– Не стоило мне выбирать такого жениха, как ты, надо было подыскивать человека с деньгами.

– Но это так неожиданно, – залился краской Фэн Цзиньхуа.

Нью Сяоли не стала дальше ворчать, а вместо этого демонстративно вышла за порог и снова отправилась в село, но теперь уже к подпольному ростовщику Ту Сяожую. Его младшая сестра, Ту Сяожун, тоже когда-то училась вместе с Нью Сяоли. В школьные годы Нью Сяоли навещала в гости к Ту Сяожун, и Ту Сяожуй, положив на Нью Сяоли глаз, клеился к ней больше полугода. Однако Нью Сяоли тогда считала, что Ту Сяожуй из плохой компании,

поэтому выбрала Фэн Цзиньхуа, который покорила ее своей порядочностью. Кто же знал, что спустя несколько лет его порядочность станет помехой для толстого кошелька? Несмотря на то что Ту Сяожуй, по сути, держал нелегальную контору, над ее дверью красовалась вывеска «Чайная „Орхидеевая беседка“». Когда Ню Сяоли зашла в чайную, Ту Сяожуй, уставившись в одну точку, восседал на резном деревянном кресле. Ню Сяоли прямо с порога перешла к делу:

- Братец Сяо Ту², одолжи мне восемьдесят тысяч.
- Это – моя работа, все мои клиенты сродни богам. Для чего тебе деньги?
- Это мое дело.
- Сразу предупреждаю, что месячная ставка составляет три процента, срок от года.
- Я же училась вместе с твоей сестрой.
- Можно обойтись и без процентов, но при одном условии.
- При каком?
- Я с тобой пересплю.
- Спи со своей сестрой!
- Условие можно и поменять.
- На какое?
- Два процента, если я тебя поцелую.

Ню Сяоли подставила ему щеку. Поцеловав Ню Сяоли в щеку, Ту Сяожуй вдруг крепко обхватил ее голову руками и просунул свой язык прямо ей в рот. Ню Сяоли, насилу высвободившись, сплюнула на пол и матюгнулась.

В тот же вечер Ню Сяоли явилась в деревню Синьцзянжуан в дом к Лао Синю и в присутствии жены Лао Синя вручила Сун Цайся сто тысяч юаней. Втроем женщины отправились в село, где у входа в банк Ню Сяоли подождала, пока Сун Цайся и жена Лао Синя отправят денежный перевод родной семье Сун Цайся. После этого жена Лао Синя отправилась назад в деревню Синьцзянжуан, а Сун Цайся в сопровождении Ню Сяоли – в деревню Нюцзянжуан. Ту ночь Ню Сяоли и Сун Цайся провели в комнате для новобрачных, под которую была выделена гостиная. Ню Сяоли вместе с племянницей Баньцзю ушла ночевать в восточную комнату.

На следующий день во время завтрака Ню Сяоли заметила, что ее старший брат украдкой улыбается, и облегченно вздохнула.

Она и подумать не могла, что спустя пять дней ее невестка вдруг исчезнет.

2

Ню Сяоли родилась с крупным ртом, большими глазами и высоким носом, ростом тоже удалась. Ее старший брат, Ню Сяоли, рожденный от тех же родителей, ростом был метр пятьдесят девять, а Ню Сяоли – метр семьдесят восемь. Что в двадцать два года, что в шесть лет Ню Сяоли была выше Ню Сяоли. Когда Ню Сяоли пошла в школу, у нее появились соответствующие клички: Большеротая, Пучеглазка, Слониха, Кобыла... Однако так ее называли лишь за глаза, никто из одноклассников не решался произнести это в ее присутствии. Ведь Ню Сяоли с детства дралась с мальчишками, причем неплохо: как приложит руку, так и расквасит кому-нибудь физиономию. Доведись Ню Сяоли услышать, как ее называют, никому бы не поздоровилось.

Когда Ню Сяоли было четырнадцать, от рака легких умер ее отец. Сколько Ню Сяоли себя помнила, ее родители целыми днями ругались, поэтому в день, когда отец умер, она облегченно вздохнула. В тот год Ню Сяоли пошла в старшую школу. Как-то раз спустя два месяца после смерти отца Ню Сяоли сидела на уроке физики и мучилась от головной боли, пока учитель рассказывал о Джеймсе Уатте, который, заметив, как скачет крышка на закипающем чай-

² Слово Сяо, то есть маленький, используется здесь как ласковое обращение.

нике, изобрел паровой двигатель. Головными болями Ню Сяоли страдала с детства. Ню Сяоли отпросилась у учителя и, закинув за спину рюкзак, оставила Джеймса Уатта за порогом класса и в одиночестве побрела домой. Подойдя к воротам, она заметила, что те закрыты изнутри. Несколько озадаченная, Ню Сяоли перелезла через стену во двор и там услышала, как в гостиной громко стонет ее мать. Ню Сяоли подумала, что у той тоже болит голова, ведь свои головные боли Ню Сяоли унаследовала от нее. Но когда она приблизилась к двери в гостиную, до ее ушей донеслись еще и мужские стоны. Тогда она поняла, что в комнате происходит кое-что другое. Ню Сяоли замерла на месте и простояла за дверью минут десять – о своей головной боли она напрочь забыла. Наконец стоны в комнате стихли; Сяоли пинком открыла дверь и увидела на кровати голых мужчину и женщину: мужчина – снизу, женщина – сверху. Приглядевшись, Ню Сяоли узнала сельского повара Чжан Лайфу, на котором верхом сидела ее мать. Чжан Лайфу был отцом одноклассника Ню Сяоли, Чжан Дацзиня. Мать Чжан Дацзиня работала дворником в школе, где учились Ню Сяоли и Чжан Дацзинь. Увидав Ню Сяоли, любовники застыли на месте, а Ню Сяоли стала истошно орать, и это было гораздо громче, чем недавно стонали ее мать и отец Чжан Дацзиня. Те запаниковали. Мать Ню Сяоли, так и не успев слезть с Чжан Лайфу, быстро сказала:

- Сяоли, перестань орать!
- Вон! – еще громче заорала Ню Сяоли.
- Сяоли, перестань! – повторила мать.

Но Ню Сяоли не унималась:

– После смерти отца прошло всего-то два месяца! Отец Чжан Дацзиня быстро спихнул с себя мать Ню Сяоли, кое-как оделся и, прихватив брюки, выбежал вон.

- Сяоли, послушай меня, – пыталась достучаться до дочери мать.
- Вон! – кричала Ню Сяоли.

Мать Ню Сяоли на какое-то время оцепенела, после чего вышла из себя:

– Я – твоя мать, ты у меня сейчас получишь! Ню Сяоли выбежала во двор, продолжая орать:

- Если не уберешься, об этом сейчас узнают все!

В это время над стеной их двора уже стали выглядывать любопытные головы.

- Сяоли, подожди! – поспешно отозвалась мать.

Быстро набросив на себя одежду, она промчалась мимо Ню Сяоли и выбежала за ворота.

- Даже не думай возвращаться, вернешься – убью! – напутствовала ее Ню Сяоли.

Больше ее мать не вернулась. Она не вернулась не потому, что боялась расправы со стороны Ню Сяоли, а потому, что мать Чжан Дацзиня, узнав об измене мужа, съехала с катушек, бросила подметать школьный двор и, вооружившись ножом, целыми днями рыскала везде, где только можно, пытаясь разыскать отца Чжан Дацзиня и мать Ню Сяоли с намерением прикончить обоих. Поэтому они исчезли. Восемь лет о них не было ни слуху ни духу. Кто-то говорил, что видел их на ночном рынке в Сиане, где те якобы продавали острый суп с жареными лепешками, отец Чжан Дацзиня как-никак был поваром. Однако Ню Сяоли считала свою мать умершей наравне с отцом.

Отец умер, мать сбежала, но у Ню Сяоли остался старший брат. Вообще-то именно старший брат должен заботиться о младшей сестре, но старший брат Ню Сяоли, Ню Сяоши, с малых лет рос совершенно никудышным. Однако в том не было его вины. Уже повзрослев, Ню Сяоли поняла, что если с самого рождения наблюдать, как родители без конца ссорятся даже тогда, когда ты произносишь первые слова или делаешь первые шаги, то в результате можно стать или бесстрашным, как она сама, воспринимая скандалы как обычное дело, или пугливым, как ее старший брат, которому доставалось во время скандалов и который тоже считал это обычным делом. В год, когда Ню Сяоши исполнилось двадцать шесть, он женился. Жена ему досталась хрупкая, неторопливая и покладистая, так что Ню Сяоши не знал, как с ней себя

вести, а потому то и дело норовил придрататься по любому поводу и затеять ссору. Они перебрались в город на заработки, и наконец в один прекрасный день его жена разругалась с ним в пух и прах и сбежала с другим, бросив собственную дочь. Ню Сяоши ничего не оставалось, как собрать вещи и вместе с дочерью вернуться из города в деревню. Когда это случилось, Ню Сяоли вместо того, чтобы обвинять брата в никчемности, всю вину возложила на умершего отца и «умершую» мать. В конечном итоге и брат-размазня, и совсем еще кроха племянница Баныцзю, и тысяча домашних дел скопом легли на плечи Ню Сяоли. Младшая сестра, считай, превратилась для старшего брата в мать. Теперь Ню Сяоли раскаивалась, что когда-то из-за головной боли отпросилась из школы домой. Услышав стоны из комнаты, вместо того чтобы открыть пинком дверь и прогнать мать из дома, она должна была затаиться и сделать вид, что вообще ничего не слышала. А теперь, когда мать она прогнала, ей пришлось взять ее роль на себя. Вместе с тем Ню Сяоли преклонялась перед матерью: прошло уже восемь лет, а та словно канула в Лету. Позже она смогла ее понять: любая другая женщина на ее месте, доведись ей быть застуканной собственной дочерью верхом на мужике, наверняка сама бы захотела, чтобы дочь считала ее умершей. Раньше Ню Сяоли этого не понимала, а когда стала встречаться с парнем, поняла. Уразумев эту истину, Ню Сяоли уже редко вспоминала о матери. С течением времени она свыклась со своей ролью. В следующем месяце Ню Сяоли собиралась выйти замуж, но сперва ей следовало пристроить старшего брата. Подыскивая ему жену, она уповала на то, что та станет ему новой матерью. В тот вечер, когда Ню Сяоши и Сун Цайся уединились в комнате новобрачных, Ню Сяоли вместе с племянницей Баныцзю отправилась спать в восточную комнату. Они пролежали вместе около часа, и Ню Сяоли думала, что девочка уже уснула, но та вдруг неожиданно вскрикнула:

– Тетя!

– Чего?

– У них завтра появится ребенок?

Ню Сяоли, поняв, о чем думает Баныцзю, сказала:

– Это невозможно, для этого требуется месяцев десять.

– А вдруг мачеха будет меня обижать?

– У тебя есть тетя.

– А если тетя выйдет замуж?

– Если она станет тебя обижать, уйдешь вместе с тетей.

– А если меня станет обижать твой муж?

– Да пусть только попробует, сукин сын! – ответила Ню Сяоли, у которой уже и сон пропал.

Баныцзю хихикнула и обняла Ню Сяоли за шею.

– Тетя.

– Чего?

– Когда я вырасту, стану, как ты.

С этими словами, не выпуская Ню Сяоли из своих объятий, она уснула. Когда Баныцзю уснула, Ню Сяоли стала прислушиваться к звукам в гостиной, но оттуда не доносилось ни единого шороха. Ню Сяоли забеспокоилась. Однако на следующее утро во время завтрака она заметила, что Ню Сяоши про себя улыбается, и с облегчением выдохнула. Ню Сяоли уже уверилась, что устроила брата, но, к ее большому удивлению, через пять дней Сун Цайся сбежала, оказавшись аферисткой. Когда Ню Сяоли приходила в деревню Синьцзянжуан в дом к Лао Синю, она обратила внимание, как дотошно Сун Цайся интересуется положением дел в семье Ню, но тогда она приняла это за хозяйственность, решив, что Сун Цайся будет по силам ее ноша. Чтобы заплатить за нее выкуп, Ню Сяоли пришлось вытерпеть бесстыжий поцелуй Ту Сяожуя, а теперь, выходит, что эта хриплоголая девка из семьи Лао Синя, что проживал в деревне Синьцзянжуан, с самого начала держала ее, Ню Сяоли, за полную идиотку?

– Сун Цайся, ну едрить твою мать! – выругалась Ню Сяоли.

3

Ню Сяоли вместе со своим женихом Фэн Цзиньхуа заявила в деревню Синьцзячжуан, чтобы свести счеты с Лао Синем и его женой. Поскольку пострадавшим в этом деле был Ню Сяоши, то Ню Сяоли, по идее, должна была прийти вместе с ним, однако от размазни Ню Сяоши, во-первых, не было никакого проку, а во-вторых, ее взбесила его реакция на побег Сун Цайся. Обнаружив, что Сун Цайся сбежала, Ню Сяоши, вместо того чтобы обвинить ее, накинулся с упреками на Ню Сяоли:

– Я ведь говорил, что в этом деле не нужно спешить, но тебе же приспичило, вот и полюбуйся, что из этого вышло!

Побег Сун Цайся и то разозлил Ню Сяоли куда меньше, чем такие речи Ню Сяоши.

– Тогда считай, что я все подстроила нарочно! – выпалила она.

– Сто тысяч юаней, – пробубнил себе под нос Ню Сяоши.

Ню Сяоли рассердилась еще больше:

– Эти деньги заняла я, так что это моя головная боль, тебя это не касается.

После этих слов Ню Сяоши не осмелился говорить что-то еще.

Когда Ню Сяоли и Фэн Цзиньхуа приехали на мопеде в деревню Синьцзячжуан к Лао Синю, Лао Синя и его жены дома не было. Соседи сказали, что те отправились таскать кирпичи. На речной отмели за деревней Синьцзячжуан находился кирпичный завод, где добывали песок и день-деньской жгли кирпичи. В течение пяти дней кирпич обжигался в печах и смачивался водой, после чего его, еще влажный, начинали выгружать. Прошлым летом Ню Сяоши тоже ездил подрабатывать на этот завод за деревней Синьцзячжуан. За один день работы здесь платили восемьдесят юаней. Однако, потаскав кирпичи в течение трех дней, Ню Сяоши вернулся домой. Ему не то чтобы не под силу была эта работа, просто он не мог вытерпеть высокой температуры кирпича, а от ожогов вся его спина покрылась волдырями. Он жаловался, что температура вытасченного из печи кирпича слишком высокая, градусов шестьдесят-семьдесят. «Другие таскают точно такой же горячий кирпич, и ничего их спинам не делается, а вот у него повыскакивали волдыри. Мало того что по характеру тряпка тряпкой, так еще и нежный, словно девка», – вздыхала Ню Сяоли.

Ню Сяоли и Фэн Цзиньхуа подъехали на своем мопеде прямо к отмели за деревней Синьцзячжуан. В прошлом году, когда Ню Сяоши приехал сюда работать, Ню Сяоли передавала ему обувь на толстой ватной подошве: несмотря на летнюю жару, здесь приходилось носить именно такую обувь, поскольку, как сказал по телефону Ню Сяоши, пол в печи тоже был обжигающе горячим, градусов шестьдесят-семьдесят. За год работ песчаный берег заметно углубился. Река, которая мощным потоком устремлялась на восток, теперь тоже казалась глубже. Ню Сяоли и Фэн Цзиньхуа подъехали к заводу, оставили у проходной свой мопед и направились ждать к отверстию печи. Наконец среди выходящих работяг появились Лао Синь и его жена. Оба с ног до головы были в кирпичной пыли. Водруженный на их спины облитый водой кирпич исходил паром, который облаком окутывал их фигуры. Лао Синь и его жена, оба невысокого роста, шли, опираясь на палки. Фэн Цзиньхуа подошел поближе и преградил им дорогу:

– Заканчивайте свою работу.

– Чего? – тяжело дыша, спросил остановившийся Лао Синь.

– Беда стряслась, – объявил Фэн Цзиньхуа.

– Что случилось? – удивилась жена Лао Синя.

– Сун Цайся сбежала! – выкрикнула Ню Сяоли.

Жена Лао Синя тяжело опустилась на землю, ее кирпичи повалились рядом. Вчетвером они отошли от завода и пристроились под ивой на берегу реки.

– Когда это случилось? – спросил Лао Синь.

– Вчера утром, – ответила Нью Сяоли.

– А может, она просто отправилась на ярмарку? – предположила жена Лао Синя.

– Целые сутки на ярмарке не пропадают, мы уже и в селе, и в уездном центре искали, нет ее.

– И что теперь делать? – вздохнув, озадачился Лао Синь.

– Все просто, – ответил Фэн Цзиньхуа, – раз она ваша племянница, то как она убежала, так вы ее и вернете.

Лао Синь, ни слова не говоря, уселся на корточки и затянулся сигаретой. Жена Лао Синя, всхлипывая, произнесла:

– Она нам не племянница.

– А кто же она? – удивилась Нью Сяоли.

– Не знаю, – ответила жена Лао Синя.

– И каким же образом незнакомая девица оказалась у вас в семье? – поинтересовалась Нью Сяоли.

Жена Лао Синя принялась объяснять:

– Она разузнала, что я тоже родом из уезда Циньхань провинции N, и пришла ко мне вроде бы как к землячке. Она сказала, что хочет выйти замуж, а поскольку все здесь для нее незнакомо, попросила меня выдать ее за свою племянницу, мол, так ей будет проще найти человека.

В голове Нью Сяоли словно разорвалась бомба. Оказывается, Сун Цайся одурачила не только их, но и жену Лао Синя. Но вдруг она засомневалась и сказала:

– Племянница она вам или нет, замуж ее выдавали вы, так что вам ее и возвращать. – Сделав паузу, она добавила: – Можно и не возвращать, но тогда верните сто тысяч.

– Какие сто тысяч? – возразил Фэн Цзиньхуа. – Мы взяли заем под высокие проценты, с тремя процентами в месяц за целый год он обойдется в сто тридцать шесть тысяч.

– Даже если вы меня продадите, такой огромной суммы не выручить, – заплакала жена Лао Синя.

Тут, отбросив окурок в сторону, поднялся с корточек Лао Синь.

– Мне кажется, вы неправы. Пусть Сун Цайся вы уводили из нашего дома, но разве шесть дней назад мы не передали ее вам в самом лучшем виде? Разве она не провела потом пять дней в вашем доме?

– Что толку от этих пяти дней? – спросила Нью Сяоли.

– Раз она переехала к вам, то стала членом вашей семьи, – стал объяснять Лао Синь. – Ответственность несет тот, от кого она сбежала. Если уж пошел разговор об иске, то это мы должны спрашивать с вас о ее пропаже. Зачем вы сюда явились и валите все с больной головы на здоровую?

Нью Сяоли и Фэн Цзиньхуа так и застыли на месте. Они поняли, что этот Лао Синь пусть и невелик ростом, но на удивление очень сметлив. Фэн Цзиньхуа разозлился и, схватив его за шиворот, пригрозил:

– Она аферистка, а вы ее сообщники. Будешь и дальше зубы заговаривать, сброшу в реку ко всем чертям.

Сделав паузу, он добавил:

– Ты день-деньской кирпичи носишь, корячишься, неужто ты бы позволил совершенно незнакомой женщине жить у вас задарма? А жена твоя помогала ей торговаться. Сколько вам в итоге от нее отломилось?

Фэн Цзиньхуа ростом был метр восемьдесят пять, а Лао Синь – метр пятьдесят пять. Если бы Лао Синь был рослым и крупным, он бы не жил за счет такой тяжелой работы, да и жену бы не искал на стороне. Фэн Цзиньхуа поднял его над землей, словно цыпленка. Жена Лао Синя тут же кинулась к Фэн Цзиньхуа, обхватила его за ногу и запричитала:

– Братец, я просто приютила ее как землячку и ни каких денег с нее не брала.

Оттолкнув от себя жену Лао Синя, Фэн Цзиньхуа пару раз качнул Лао Синя в воздухе и швырнул в реку. Послышался громкий всплеск.

– Может, так ты заговоришь! – крикнул Фэн Цзиньхуа.

Стояла весна; река была полноводной и холодной. Лао Синь, словно попавшая в суп тушка цыпленка, пару раз трепыхнулся и скрылся под водой. Прошло немало времени, прежде чем показалась его голова: откашливаясь и дрожа всем телом, Лао Синь изо всех сил греб к берегу. Дождавшись, когда он подплывет поближе, Фэн Цзиньхуа схватил жужубовую палку, с которой ходил Лао Синь, таская кирпичи, и стал колошматить того по спине, пока не загнал обратно на середину реки. Шесть дней назад, когда Ню Сяоли искала жену для Ню Сяоши и попросила Фэн Цзиньхуа одолжить ей денег, тот не смог оправдать ее ожиданий, из-за чего Ню Сяоли обозвала его тряпкой. Поэтому сейчас, когда понадобилось спросить деньги с Лао Синя, Фэн Цзиньхуа старался проявить себя на все сто. Возможно, он именно потому так разгорячился, что не смог дать Ню Сяоли ста тысяч, которые теперь, как оказалось, были пущены на ветер. Жена Лао Синя снова припала к ногам Фэн Цзиньхуа.

– Я скажу правду. Мы получили три тысячи. Давайте вернемся домой, и я отдам вам эти деньги.

Фэн Цзиньхуа снова отшвырнул ее от себя ногой и отвесил очередной удар палкой по бултыхавшемуся в воде Лао Синю.

– Вместо ста тысяч вы предлагаете мне три, я что, идиот?

Сделав паузу, он добавил:

– За сделку в сто тысяч получить всего три, вы что, идиоты?

– Такова была договоренность. Братец, да разрази меня гром, если я вру.

Тут Ню Сяоли остановила Фэн Цзиньхуа и сказала:

– Трех тысяч хватит.

Палка в руках Фэн Цзиньхуа замерла в воздухе.

– Что это значит?

– Раз она признала, что им перепали деньги, значит, они сообщники.

С этими словами Ню Сяоли схватила жену Лао Синя за грудки и спросила:

– Ведь Сун Цайся твоя землячка, так?

Жена Лао Синя кивнула.

– Куда она убежала? – допытывалась Ню Сяоли.

– Вы-выходит, вернулась к себе в провинцию N, – запинаясь, произнесла жена Лао Синя.

– Трех тысяч нам с тобой на дорогу хватит. Раз она поехала в провинцию N, ты вместе со мной поедешь туда и поможешь ее вернуть! – заявила Ню Сяоли.

Жена Лао Синя замерла на месте.

Бултыхавшийся в воде Лао Синь тоже замер.

4

Ню Сяоли подрабатывала на сельской швейной фабрике. На этой фабрике в две смены трудилось больше четырехсот работниц, и если люди отдыхали, то машины – нет. Вне зависимости от времени суток каждая смена длилась по двенадцать часов, в месяц швеям выплачивали одну тысячу восемьсот юаней. По дороге на фабрику, куда Ню Сяоли поехала, чтобы взять отпуск, она мысленно подсчитала, что, даже работая без выходных, за год она сможет

заработать лишь двадцать одну тысячу шестьсот юаней. Из ста тысяч, украденных Сун Цайся, двадцать тысяч принадлежали самой Ню Сяоли, а восемьдесят она заняла у Ту Сяожуя под проценты. На самом деле Ту Сяожуй снизил ставку с трех процентов в месяц до двух, однако от Фэн Цзиньхуа Ню Сяоли это скрыла. Если к восьмидесяти тысячам прибавить набегавшие в месяц два процента, то за год выйдет девяносто девять тысяч двести юаней, а если к этой сумме прибавить еще и личные двадцать тысяч, то в итоге выйдет сто девятнадцать тысяч двести юаней. Если Сун Цайся послать работать на швейную фабрику, чтобы вернуть эти деньги, ей придется вкалывать пять лет и пять месяцев без перерывов на отдых. После таких расчетов огонь в сердце Ню Сяоли вспыхнул с новой силой.

«Ну, Сун Цайся, едрить твою мать! Убеги ты хоть на край света, все равно тебя достану!»

Отпросившись с фабрики и выйдя на улицу, Ню Сяоли увидела Ту Сяожуя. Справа от входа на швейную фабрику находился спа-салон, в котором работали услужливые девицы, приехавшие с северо-востока Китая, и клиенты слетались сюда, словно мухи на мед. Ту Сяожуй открыл дверцу своей машины, припаркованной перед спа-салонем, и стал залазить внутрь. Ню Сяоли он не видел. Вдруг Ню Сяоли вспомнила, что ради снижения процентов ей пришлось терпеть поцелуй Ту Сяожуя.

– Брат Сяожуй! – крикнула она ему.

Ту Сяожуй заметил Ню Сяоли и стал выбираться из машины. Взглянув сначала на Ню Сяоли, а потом на фабрику, он поинтересовался:

– На работу или с работы?

– Можно тебя спросить?

– О чем?

Ню Сяоли подошла к машине Ту Сяожуя.

– Несколько дней назад, когда я приходила к тебе за деньгами, ты кое-что сказал, помнишь?

– Что?

– Что хочешь со мной переспать.

Ту Сяожуй смерил Ню Сяоли взглядом и кивнул. Та продолжила:

– А что, если я позволю со мной переспать, а ты взамен забудешь про восемьдесят тысяч, которые мне одолжил?

Ту Сяожуй оторопел. Он снова смерил взглядом Ню Сяоли, а та нарочито подняла голову, давая себя оглядеть. Насмотревшись на нее, Ту Сяожуй протянул руку и погладил ее по волосам.

– Ты здорова?

– В каком смысле? – спросила Ню Сяоли.

– Когда я это предлагал, то имел в виду, что прощу тебе только проценты, а не всю сумму.

– Я отдамся тебе десять раз, – предложила Ню Сяоли.

Ту Сяожуй, указав в сторону спа-салона, сказал:

– Там девица из Харбина, которой едва исполнилось восемнадцать, за раз берет двести юаней. Вот и по считай, сколько раз за год тебе придется со мной переспать, чтобы отработать восемьдесят тысяч вместе с про центами?

– Так то проститутка, а я – добропорядочная женщина, – возразила Ню Сяоли.

– Да какая разница, добропорядочная или нет, в постели вы все одинаковы.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, он сказал:

– Но если ты девственница, и я пересплю с тобой десять раз подряд, то это того стоит.

Снова смерив Ню Сяоли взглядом, он спросил:

– Так отвечай: ты девственница?

Ню Сяоли замялась. Она начала встречаться с Фэн Цзиньхуа в средней школе, а в шестнадцать лет их отношения переросли в серьезные, так что, разумеется, девственницей она не

была. Возможно, Ту Сяожуй, зная об этом, специально задал ей этот вопрос. Глядя на оцепеневшую Ню Сяоли, он усмехнулся, сел в машину, хлопнул дверцей, включил зажигание и, дав по газам, сорвался с места. Глядя вслед его машине, Ню Сяоли выругалась: «Ту Сяожуй, твою мать!»

Переважив слова Ту Сяожуя, Ню Сяоли снова стала считать: если девицы из спа-салона за один раз берут по двести юаней, то она, заняв у Ту Сяожуя девяносто девять тысяч двести юаней, должна переспать с ним четыреста девяносто шесть раз, либо то же самое он может сделать с другими четырьмястами девяноста шестью девицами. Предлагая себя Ту Сяожую десять раз, Ню Сяоли назначила за себя цену в девять тысяч девятьсот двадцать юаней за один раз. Так что с точки зрения цены и качества Ту Сяожуй рассудил вполне здраво. Следом она пожалела, что уже не девственница, ведь в таком случае она бы могла просто десять раз переспать с Ту Сяожуем. Сбросив с себя эту ношу в девяносто девять тысяч двести юаней, она бы уже не поехала ни в какую провинцию N. Это она в сердцах выпалила, что найдет Сун Цайся даже на краю света, но, спокойно все обдумав, Ню Сяоли побоялась соваться в совершенно незнакомые ей места. Однако сейчас, когда все другие варианты были перепробованы, то, как бы она ни противилась, ехать все равно придется.

Пока Ню Сяоли собирала дома сумки, за ней наблюдали Ню Сяоши, Фэн Цзиньхуа и Баньцзю.

– Может, все-таки не ехать? – предложил Ню Сяоши.

– А кто тогда будет возвращать Ту Сяожую сто восемь тысяч восемьсот юаней, ты, что ли?

В присутствии Фэн Цзиньхуа Ню Сяоли назвала сумму с учетом трехпроцентной ставки. Ню Сяоши в ответ промолчал.

– Может, не ехать? А деньги мы уж придумаем как вернуть, – поддержал его Фэн Цзиньхуа.

– Если бы ты мог что-то придумать, нам бы не пришлось занимать деньги под высокие проценты, – отозвалась Ню Сяоли.

В ответ Фэн Цзиньхуа тоже промолчал. Тут Ню Сяоли сказала:

– На самом деле я отправляюсь на поиски Сун Цайся не только ради денег.

– А ради чего еще? – спросил Фэн Цзиньхуа.

– Хочу кое-что спросить у нее.

– Что именно? – поинтересовался Фэн Цзиньхуа.

– Когда я впервые увидела ее, то посчитала за честного человека, но она-то почему разглядела во мне идиотку? – Сделав паузу, Ню Сяоли продолжила: – Я отнеслась к ней как к порядочной, а она взяла и обманула меня. И кто же я тогда, если не идиотка?

Сказав это, она заплакала. Тут же с беспомощным видом к ней обратился Фэн Цзиньхуа:

– Но ведь мы в следующем месяце должны пожениться, уже и дата назначена, как можно из-за Сун Цайся откладывать нашу свадьбу?

– Пока я с этой гадостью не разберусь, замуж не выйду, – ответила Ню Сяоли, после чего добавила: – Сейчас я просто не в состоянии радоваться.

Фэн Цзиньхуа промолчал. Тут голос подала Баньцзю:

– Тетя, я хочу поехать с тобой.

– С чего вдруг? – оторопела Ню Сяоли.

– Я никогда не ездила на поезде, хочу покататься вместе с тобой.

Ню Сяоли прыснула со смеху:

– Это тебе не путешествие, а охота за лиходейкой. Еще успеешь покататься на поезде.

– Может, мне поехать с тобой? – предложил Фэн Цзиньхуа. – Когда ты найдешь Сун Цайся, помощник не будет лишним.

Ню Сяоли замотала головой:

– Достаточно и того, что со мной поедет жена Лао Синя. Она те края знает, а ты пригодишься здесь.

– В каком смысле? – спросил Фэн Цзиньхуа.

– Для жены Лао Синя те края родные, – отозвалась Ню Сяоли, – а для меня там все незнакомо. Если жена Лао Синя начнет строить какие-нибудь козни, я позвоню тебе, и ты снова сбросишь Лао Синя в реку.

5

Ню Сяоли и жена Лао Синя договорились, что следующим утром в восемь часов встретятся на сельском автовокзале, откуда уже вдвоем отправятся в уезд Циньхань провинции N на поиски Сун Цайся. Вчера, когда Лао Синь вылез из речки, Ню Сяоли и Фэн Цзиньхуа вместе с ним и его женой пошли к ним домой в деревню Синьцзянжуан, чтобы получить три тысячи юаней, которые Лао Синь и его жена заработали на сватовстве Сун Цайся. Эти деньги предполагалось потратить на дорожные расходы Ню Сяоли и жены Лао Синя. Однако дома Лао Синь заявил, что эти три тысячи они шесть дней назад отдали в банк и оформили срочный вклад. Поскольку снять деньги они теперь не могли, значит, надо просить у родственников. Ну а поскольку деньги все равно предполагалось потратить на дорогу, то Ню Сяоли было обещано, что жена Лао Синя передаст их ей при встрече. Фэн Цзиньхуа решил было, что Лао Синь снова водит их за нос, и уже собрался было опять поднять на него руку, но Ню Сяоли его остановила и сказала, что если на следующий день денег не будет, то они уже не просто отделают Лао Синя, но еще и сровняют с землей весь их дом. Лао Синь поспешно закивал и пообещал отправиться за деньгами тотчас после обеда. Ню Сяоли снова стала расспрашивать жену Лао Синя о Сун Цайся. Та ей рассказала, что, прежде чем выйти замуж за ее брата, Ню Сяоли, Сун Цайся прожила у них дома три дня. По вечерам за женскими разговорами Сун Цайся рассказала, что пришла к ним из деревни Ютанцунь, что находилась в волости Вэйцзиньсян уезда Циньхань. Ню Сяоли и сама видела удостоверение Сун Цайся, в котором было написано то же самое. Родной дом жены Лао Синя находился в деревне Минчаоцунь в волости Сундайсян того же уезда. Между двумя деревнями было не больше пятидесяти ли, так что они и вправду считались землячками. Ню Сяоли, Фэн Цзиньхуа, Лао Синь и его жена стали гадать, куда же могла деться Сун Цайся со ста тысячами семейства Ню, а точнее с девяноста семью тысячами, ведь три тысячи она отдала семейству Лао Синя. Все согласились с женой Лао Синя, которая еще у реки сказала, что Сун Цайся наверняка отправилась к себе домой. Если даже она поехала в другое место, они могли найти ее дом, а значит, и родственников, которые помогут ее разыскать, а если нет, то они продадут их дом, что как раз и составит около ста тысяч. Поэтому было принято решение ехать в уезд Циньхань. Ню Сяоли и жена Лао Синя посоветовались и решили сначала доехать на сельском автобусе до уездного центра, потом пересестись на автобус до провинциального центра, а оттуда на поезде добраться до административного центра провинции N; после этого пересестись на автобус до уездного центра Циньхань, затем на сельском автобусе доехать до волости Вэйцзиньсян, а оттуда уже прибыть в деревню Ютанцунь.

Утром в половине восьмого Ню Сяоли добралась до сельского автовокзала. Она прождала там до восьми часов, но жена Лао Синя так и не появилась, поэтому Ню Сяоли стала волноваться, что та не сдержала своего слова. В восемь пятнадцать первый рейсовый автобус до уездного центра уже ушел, а жена Лао Синя так и не пришла. К девяти часам ни внутри автовокзала, ни снаружи она так и не объявилась. Ню Сяоли вытащила мобильник и набрала номер Фэн Цзиньхуа. Она хотела распорядиться, чтобы тот сел на свой мопед и поехал в деревню Синьцзянжуан равнять с землей дом Лао Синя, а заодно скинул в реку Лао Синя и его жену. Едва она дозвонилась, как вдруг увидела жену Лао Синя: с большим плетеным мешком за спи-

ной и огромной сумкой в руках та, шатаясь, шла ей навстречу. Ню Сяоли облегченно выдохнула и сказала в трубку:

– Уже все в порядке.

Еле переводя дух, жена Лао Синя подошла к Ню Сяоли и спросила:

– Не опоздала?

– Как же не опоздала, – раздраженно ответила Ню Сяоли, – первый автобус уже уехал, а следующего теперь ждать целых полчаса.

Тут она заметила, что за спиной у жены Лао Синя стоит мальчишка-заморыш. Взмокший от бега, весь в соплях, сжимая в левой руке вертушку, а в правой – подол юбки жены Лао Синя, он задрал голову и рассматривал Ню Сяоли. Ню Сяоли оторопела и, указывая на ребенка, спросила:

– Это кто?

– Мой сын, – ответила жена Лао Синя. – Раз уж мы едем ко мне на родину, я должна хоть разок показать его родителям, а то прошло уже три года, а он ни деда, ни бабки не видел.

Ню Сяоли не знала, плакать ей или смеяться.

– Мы не развлекаться едем, а по серьезному делу, как можно брать с собой ребенка?

– Одно другому не мешает, – ответила жена Лао Синя.

Только Ню Сяоли хотела было что-то возразить, как жена Лао Синя поспешила ее успокоить:

– Он еще не дорос до метра двадцати, поэтому про езд для него бесплатный, так что на наших расходах это никак не скажется.

Ню Сяоли не знала, что и делать. Пусть на дорожных расходах это никак не сказывалось, но отправляться в путь с ребенком было совершенно немыслимо. Ведь они отправлялись по серьезному делу, и случись что, куда они его денут? Племянница Ню Сяоли, Баньцзю, тоже хотела прокатиться на поезде, но ее пришлось оставить дома, а жена Лао Синя, напротив, взяла ребенка с собой. Помимо различных неудобств, на расходах это тоже сказывалось: пусть ребенку не нужно покупать билет, но что же он, будет голодать? За чей счет он будет питаться? Не иначе как эти расходы придется оплачивать из тех самых трех тысяч. Изначально те три тысячи Сун Цайся отдала за посредничество жене Лао Синя, но сейчас-то эти деньги принадлежали Ню Сяоли. Жена Лао Синя, похоже, поняла, о чем думает Ню Сяоли, и, раскрыв свой баул, показала на целый пакет беленьких лепешек.

– Я подсчитала, что чтобы доехать до Циньхэня, нам надо будет сделать шесть пересадок, а это, если прикинуть, целых пять дней, так что этого пакета с лепешками нам на троих как раз хватит.

С этими словами она вытащила одну лепешку и передала ее Ню Сяоли.

– Попробуй.

Ню Сяоли не знала, плакать ей или смеяться. Она отломил кусочек и положила его себе в рот. Лепешка была еще горячей и пахла свежей выпечкой, а внутри оказалась вкуснейшая начинка из мелко нарезанного лука с кунжутной заправкой.

– Ну как? – спросила жена Лао Синя.

– Неплохо. Сама, что ли, пекла?

Жена Лао Синя кивнула и добавила:

– Поднялась ни свет ни заря.

Похлопав по своему мешку, она добавила:

– Еще прихватила с собой десять с лишним пучков лука.

Теперь Ню Сяоли оценила деловитость жены Лао Синя: пусть та не выдалась ростом, зато старания ей было не занимать. Кроме усердия, жена Лао Синя также отличалась щепетильностью. Пока женщины общались, мальчишка, шмыгая носом, носился со своей вертушкой по автовокзалу, громко изображая мотоциклиста.

– А почему я его не видела, когда была у вас дома? – спросила Ню Сяоли.

– Да разве его дома удержишь? Он целыми днями пропадает за деревней, лазает по деревьям да разоряет вороны гнезда.

Тут Ню Сяоли, словно опомнившись, спросила:

– А как тебя звать-то?

– Все зовут меня просто женой Лао Синя.

– У тебя нет имени?

Жена Лао Синя смущенно улыбнулась и сказала:

– Меня зовут Чжу Цзюйхуа.

– А его? – Ню Сяоли показала в сторону мальчика.

– Его отец выбрал для него имя Сюэвэнь³, но все зовут его Сяохоу⁴.

Ню Сяоли прыснула. Глянув, как малыш носится по автовокзалу, она подумала, что тот и правда похож на обезьянку. Наконец Ню Сяоли спросила:

– Деньги на дорогу принесла?

Чжу Цзюйхуа, услышав вопрос о деньгах, поспешно спустила на пол мешок с сумкой и, ослабив пояс на брюках, запустила руку к себе в штаны.

– Ты чего? – оторопело спросила Ню Сяоли.

– Три тысячи сумма немаленькая, – ответила Чжу Цзюйхуа, – чтобы не потерять их, я пришила к штанам кармашек для денег.

Ню Сяоли засмеялась и, в который раз отметив щепетильность Чжу Цзюйхуа, поспешила ее остановить.

– Раз они у тебя внутри, то и не трогай, а как понадобятся, достанешь.

Чжу Цзюйхуа замерла на месте и спросила:

– Ты мне доверишь?

– А как ты убежишь? Если даже и убежишь, то останется Лао Синь, которого снова бросят в реку, а следом еще и дом ваш разнесут.

Чжу Цзюйхуа прыснула со смеху и, подняв вверх большой палец, произнесла:

– А ты, сестрица, сметливая.

– В смысле? – не поняла Ню Сяоли.

– У кого деньги, на том и ответственность, – объяснила Чжу Цзюйхуа.

На этот раз усмехнулась Ню Сяоли, которая оценила проницательность Чжу Цзюйхуа.

Когда наконец автобус отправился в уездный центр и в окне промелькнули швейная фабрика и спа-салон, Ню Сяоли в который раз принялась негодовать на Сун Цайся. До настоящего момента Ню Сяоли никогда не бывала даже в провинциальном центре, зато теперь она намеревалась проделать путь больше чем в четыре тысячи ли и пересечь сразу несколько провинций. Но ладно бы она просто отправилась в дальнюю дорогу, главная трудность была в том, что Ню Сяоли никого в чужих краях не знала, а значит, не представляла, чем обернется для нее все это предприятие, и в душе ее нарастала тревога. Она сетовала на свою горькую судьбу, на то, что рано потеряла отца, на то, что мать сбежала с любовником, на то, что старший брат вырос никуда не годным и теперь все проблемы легли на ее плечи. Пока Ню Сяоли про себя вздыхала, Чжу Цзюйхуа склонила к ней голову и сказала:

– Сестрица, а ведь я должна сказать тебе спасибо.

– За что? – удивилась Ню Сяоли.

– Благодаря всему этому я хотя бы несколько дней побуду вдали от Лао Синя.

Ню Сяоли, очнувшись от своих переживаний, спросила:

– Тебе не нравится Лао Синь?

³ Сюэвэнь – здесь можно перевести как «эрудит».

⁴ Сяохоу – дословно «обезьянка».

Чжу Цзюйхуа кивнула.

– Но вчера, когда вы вместе таскали кирпичи, выглядели вполне дружно.

– Я его не перевариваю, – выдала Чжу Цзюйхуа.

– Почему?

– Он такой низкорослый, да еще и страшный, как У Далан⁵, неудивительно, что в своих краях он жены не нашел.

Ню Сяоли еле сдержалась, чтобы не рассмеяться и, пряча улыбку, сказала:

– Зато работающий.

– А еще, – продолжала Чжу Цзюйхуа, – он мне не доверяет.

– Например? – спросила Ню Сяоли.

– Он прячет все деньги и только раз в месяц выдает мне и Сяохоу по двадцать юаней на мелкие расходы. На что может хватить двадцати юаней? В женские дни даже на бумагу-то не хватит. Не иначе как за скотину меня держит.

– Кто бы мог подумать, что такой плюгавый мужик окажется таким извергом, – вздохнула Ню Сяоли.

– А ты знаешь, почему он такой изверг? – спросила Чжу Цзюйхуа.

– Почему?

Чжу Цзюйхуа глянула на Сяохоу: поскольку билета на него не покупалось, тот все это время сидел у нее на коленях. Набегавшись по автовокзалу, в автобусе мальчик сразу уснул. Чжу Цзюйхуа приблизилась к самому уху Ню Сяоли и прошептала:

– Зная, что у тебя уже есть парень, я, так уж и быть, тебе скажу.

Ню Сяоли оторопело спросила:

– Что ты имеешь в виду?

Чжу Цзюйхуа так же шепотом сказала:

– У него по ночам ничего не выходит.

Ню Сяоли не сразу поняла, о чем она, и решила уточнить:

– В каком смысле?

– Если у мужика по ночам проблемы, днем он ведет себя как бешеный.

Ню Сяоли снова оторопела. С одной стороны, ей показалось, что у Чжу Цзюйхуа язык как помело, а с другой – что та просто быстро сходится с людьми и теперь считает Ню Сяоли за свою. Показывая на Сяохоу, Ню Сяоли поинтересовалась:

– Если у него проблемы, то как у вас появился он?

– Я пришла в эти края уже с ребенком, – ответила Чжу Цзюйхуа.

Смекнув, в чем дело, Ню Сяоли снова спросила:

– Но ведь вчера, когда Лао Синя бросили в реку, ты, не жалея себя, бросилась его спасать, как родного.

Чжу Цзюйхуа в ответ всплеснула руками и сказала:

– Да если бы я этого не сделала, он бы потом дождался, когда вы уйдете, и бросил бы в реку меня!

Как говорится, у каждого свои проблемы.

– Даже подумать не могла, – вздохнула Ню Сяоли.

Чжу Цзюйхуа, посчитав, что та имеет в виду Лао Синя, поддакнула:

– Точно говорят: чужая душа – потемки.

Тут Ню Сяоли, словно опомнившись, спросила:

– Я уже два дня кое о чем размышляю.

– О чем?

⁵ Герой китайского классического романа «Речные заводи», отличавшийся маленьким ростом и безобразной внешностью.

– Когда Сун Цайся якобы вступила в брак, наша семья заплатила ей сто тысяч. Но ведь Лао Сы из деревни Сыцзячжай был готов заплатить ей сто сорок тысяч, почему же она обманула нас, а не Лао Сы?

– Лао Сы предлагал платить по частям, поэтому Сун Цайся и не согласилась, – объяснила Чжу Цзюйхуа.

Ню Сяоли понятиливо кивнула. Оказывается, аферистка Сун Цайся все продумала заранее.

6

Когда Ню Сяоли с попутчиками добрались до автовокзала уездного центра, они не мешкая пересели на автобус до административного центра провинции. Но едва их автобус отъехал от уездного центра на десять с лишним ли, как весь транспорт выстроился в длиннющую очередь: на трассе был ремонт. Сидевший на руках у Чжу Цзюйхуа Сяохоу открыл глаза и стал смотреть в окно. Поглазев какое-то время, он принялся канючить, что хочет есть, тогда Чжу Цзюйхуа вытащила ему из сумки большую лепешку. Словив лепешку, Сяохоу снова уткнулся в грудь Чжу Цзюйхуа и уснул. Когда автобус с горем пополам добрался наконец до города, был уже вечер. А когда троица пересела на городской автобус и прибыла на железнодорожный вокзал, тот уже весь был залит огнями. Ню Сяоли попросила Чжу Цзюйхуа достать из штанов четыреста юаней и, взяв деньги, оставила ее на привокзальной площади следить за вещами, а сама поспешила в кассовый зал, где встала в очередь за билетами. Среди поездов, которые отправлялись в административный центр провинции N, были высокоскоростной, скоростной, скорый и обычный. Чтобы сэкономить, Ню Сяоли решила купить билеты на обычный поезд, но когда подошла ее очередь, кассир сказала, что на сегодня все билеты на обычный поезд до административного центра провинции N уже распроданы. На следующий день билеты на обычный поезд еще были, но только стоячие, а билеты с местами можно купить только на послезавтра. Как говорится, время не ждет, стоячие так стоячие. Ню Сяоли купила два стоячих билета на обычный поезд, который отправлялся на следующий день в десять часов утра. Выйдя из кассового зала, Ню Сяоли нашла Чжу Цзюйхуа и почувствовала, что проголодалась. Пока они были в дороге, то так перенервничали из-за пересадок и пробок, что даже забыли пообедать. Ню Сяоли спросила Чжу Цзюйхуа, проголодалась ли она, та ответила, что проголодалась. Тут же запросил кушать и Сяохоу.

– Ты ведь кушал в дороге и не наелся? – спросила его Ню Сяоли.

Вместе с Сяохоу женщины подошли к ступеням привокзальной площади и присели. Чжу Цзюйхуа вытащила из сумки три больших лепешки, следом из мешка вынула лук-батун, разделила его на три части, и все трое стали есть лепешки вприкуску с луком. Пережевывая лепешку, Ню Сяоли чувствовала, что к концу дня та уже подсохла и стала резиновой – не в пример свеженькой лепешке, которую она ела утром. Ню Сяоли огляделась по сторонам. С южной стороны вокзала в ряд стояли лотки, где продавалась всякая снедь, чьи хозяева во все голоса зазывали покупателей. Ню Сяоли, показывая в сторону лотков, предложила:

– Пойдемте купим по чашке горячего супа.

– К чему эти траты? – заколебалась Чжу Цзюйхуа.

– Верно в народе говорят: «Дома будь беден, а в дороге – богат», – возразила ей Ню Сяоли и тут же добавила: – Если в дороге на всем экономить, то, не ровен час, заболеешь, и тогда больше денег изведешь на лекарства.

Чжу Цзюйхуа подняла вверх большой палец и сказала:

– Сестрица, а ты в жизни разбираешься, – и тут же добавила: – Ездить с тобой одно удовольствие.

Ню Сяоли вместе с Чжу Цзюйхуа и Сяохуо подошли к лоткам. Чего тут только не продавали: и пельмешки в бульоне, и обычные пельмени, и заварную лапшу, и пирожки, и жидкую кашу, и острый суп с приправами, и баранью похлебку... Трое путешественников прошлись вдоль рядов. Поскольку их интересовал суп, то везде, где его продавали, они спрашивались о цене; наконец Ню Сяоли пригласила всех присесть в закуской, где подавали баранью похлебку. Чашка похлебки стоила три юаня. Ню Сяоли вынула оставшиеся после покупки билетов деньги и взяла три порции. Когда им принесли обжигающе-горячую похлебку, Ню Сяоли обмакнула в нее лепешку, и та сразу размякла. Закусывая луком, она съела и суп, и лепешку, да с таким аппетитом, что аж вся вспотела. Ню Сяоли посмотрела на Чжу Цзюйхуа и Сяохуо и отметила, что те тоже вспотели. То, что осталось на доннышке от похлебки Сяохуо, Чжу Цзюйхуа, задрав голову, вылила себе в рот. Когда они поели, то стали думать, где бы им переночевать. Раньше они надеялись, что сядут на поезд сразу, стало быть, и ночь проведут в поезде, но поскольку в пути у них произошла задержка, теперь им необходимо искать ночлег. За гостиницу надо платить, но если отказаться от гостиницы, то неужто спать на улице? Чжу Цзюйхуа, словно разгадав мысли Ню Сяоли, тут же предложила:

– Давай переночуем в зале ожидания.

– А разве можно? – спросила Ню Сяоли.

– Несколько лет назад, когда я ехала сюда из провинции N вместе с торговцем «живым товаром», тоже перекапталась на вокзале. К тому же, – добавила она, – в зале ожидания есть кипяток, так что не придется тратить на питье.

Ню Сяоли улыбнулась. У этой Чжу Цзюйхуа, по сравнению с ней, есть опыт, как вести себя в дороге. Женщины, взяв сумки и Сяохуо, направились в комнату ожидания. Но кто же знал, что порядки изменились. Вход сюда разрешался лишь тем пассажирам, у которых были билеты на ближайшие поезда. Чжу Цзюйхуа досадливо цокнула языком:

– Вот так неожиданность.

Заметив озадаченный вид Ню Сяоли, она тут же добавила:

– Подумаешь, проблема, давайте приткнемся на улице у стены, там и ветра не будет.

Тут Ню Сяоли увидела, что на улице у стены зала ожидания уже вкривь и вкось лежали пассажиры. Втроем они приблизились к стене и отыскивали свободное местечко. Чжу Цзюйхуа вытащила из своего мешка старенькое одеяло, чем в очередной раз поразила Ню Сяоли. Съевшись, трое путешественников прижались друг к другу, накрылись одеялом и приготовились уснуть. На дворе уже стояла весна, к тому же втроем под одеялом им было вполне тепло. Намотавшись за день, Ню Сяоли тотчас заснула. Через какое-то время во сне ей показалось, что у нее затекло лицо. Через силу пробудившись, она почувствовала, что ее кто-то гладит. Ню Сяоли испугалась, решив, что это какой-то хулиган, и тотчас схватила гладившую ее руку, но, приподняв голову, она увидела, что то была рука Сяохуо. Вчера в автобусе Сяохуо проспал всю дорогу, поэтому сейчас, несмотря на поздний час, он бодрствовал и, вытащив из-под одеяла голову, гладил лицо Ню Сяоли и внимательно ее рассматривал. Ню Сяоли прыснула со смеху:

– Ты это чего? Решил за мной приударить?

Тут проснулась и Чжу Цзюйхуа. Увидав эту сцену, она тоже засмеялась. А Сяохуо, любясь Ню Сяоли, вдруг поцеловал ее в щеку и произнес:

– Красивая.

Ню Сяоли развеселилась пуще прежнего:

– Тебе всего-то четыре года, чтоб ты понимал.

– Не только Сяохуо считает тебя красивой, я тоже так думаю, – вмешалась Чжу Цзюйхуа.

Ню Сяоли смущенно спросила:

– А что во мне красивого?

– Я точно не скажу, но чувствую, что в тебе есть что-то особенное, – ответила Чжу Цзюйхуа.

– Что именно?

Тут Чжу Цзюйхуа словно осенило и она, всплеснув руками, ответила:

– У тебя черты лица точь-в-точь как у иностранки.

Все трое снова улеглись спать и больше ночью уже не разговаривали. Едва начало светать, спящую Ню Сяоли кто-то стал тыкать, пытаясь разбудить. Ню Сяоли открыла глаза и увидела дворничиху. Толстуха с респиратором на лице тыкала своей метлой во всех, кто пристроился у стены зала ожидания. Как только ее жертва вставала с места, она, поднимая клубы пыли, начинала орудовать своей метлой, зато так она очень быстро всех подняла на ноги. Проснувшаяся троица последовала примеру остальных, взяла свои сумки и, отойдя подальше от стены и вздымавшейся пыли, прошла к центру привокзальной площади. Ню Сяоли и Чжу Цзюйхуа, поочередно присматривая за багажом, сходили сначала в северную часть площади, где находился общественный туалет, потом в восточную часть, чтобы прополоскать рот и умыться в фонтане, а после все вместе отправились в южную часть к закусочным, где Ню Сяоли решила купить три чашки жидкой пшенной каши. Порция каши стоила один юань, к ней бесплатно прилагалась маринованная редька. Чжу Цзюйхуа вынула лепешки, и все трое вприкуску с редькой стали завтракать. Горячая, с пылу с жару каша пришлась для их желудков как нельзя кстати. Позавтракав, троица снова присела на ступени площади и стала глазеть по сторонам. Дождавшись, когда вокзальные часы пробьют восемь, женщины, взяв свои сумки и Сяохоу, направились занимать очередь к выходу на платформу. Чтобы во время посадки на поезд оказаться в первых рядах, занимать очередь следовало за два часа. Хоть билеты у них и были стоячие, но они надеялись, что в поезде смогут отвоевать хотя бы одно сидячее место. Они простояли в очереди больше часа, пока без двадцати десять вход наконец не открыли. После проверки билетов женщины протиснулись внутрь и, подхватив под руки Сяохоу, пустились бежать в сторону платформы: сначала вверх по надземному переходу, потом вперед, потом вниз, потом вдоль платформы, пока наконец не подбежали и не встали самыми первыми у черты с обозначением их вагона. Ню Сяоли и Чжу Цзюйхуа от такой пробежки еле переводили дух, а вот Сяохоу стоял спокойно и невозмутимо, словно и не бежал вовсе. Чжу Цзюйхуа обронила, что ежедневное лазанье по деревьям и охота за вороньими гнездами явно пошли ему на пользу. Ню Сяоли улыбнулась. Они подождали еще десять минут, прежде чем вдали показалась голова состава. Посмотрев на приближающийся и постепенно замедляющий ход поезд, Ню Сяоли поняла, что они зря отстояли очередь: сквозь окно было видно, что вагон битком набит людьми. Когда же двери вагона открылись, выходящих оказалось гораздо меньше, чем заходящих. Их троих толпа впихнула внутрь вагона, в котором из-за людей и багажа не было даже просвета, чтобы пошевелинуться. «Куда они все едут? Все куда-то спешат, норовя разъехаться по разным городам и весям, что у них за дела?» – про себя вздохнула Ню Сяоли. Тут Чжу Цзюйхуа обмолвилась, что им еще повезло: заранее заняв очередь и добежав до платформы первыми, они хотя бы смогли влезть в этот поезд. Тут Ню Сяоли посмотрела в окно и увидела, что многие вообще не смогли влезть, и теперь проводник выталкивал их наружу. Отпихнув несчастных, проводник с силой закрыл дверь, и поезд наконец тронулся. «С одной стороны, – рассуждала про себя Ню Сяоли, – это плохо, что бедняков в мире становится все больше, ведь все стремятся отхватить самые дешевые билеты, но с другой стороны, мы не зря отстояли такую очередь». Когда Ню Сяоли собиралась в дорогу, с ней хотела поехать Баныцзю, которая мечтала прокатиться на поезде. Как же хорошо, что Ню Сяоли ее с собой не взяла, иначе бы ее тут просто расплющили.

Поезд то шел, то останавливался, но с утра и до самого вечера в вагоне так и не появилось никакого просвета. Хорошо еще, что в сумке у Чжу Цзюйхуа были припасены лепешки, иначе они бы остались голодными. Сначала им казалось, что самое большое испытание – это давящая со всех сторон толпа, но потом они поняли, что самым большим испытанием была невозможность сходить в туалет. Пока кто-то один из них вместе с Сяохоу оставался присматривать за вещами, другой пытался протиснуться через толкучку к туалету. Если в туалет хотел Сяохоу,

то Чжу Цзюйхуа шла вместе с ним. Но в туалет хотелось сразу всем пассажирам, поэтому еще пару часов приходилось терпеть у дверей и только потом, если повезет, можно было пробиться внутрь. В поезде они провели два дня и одну ночь, и все это время их животам тоже пришлось терпеть, пока поезд не прибыл на конечную станцию в административный центр провинции Н. Выйдя из поезда и оказавшись за пределами вокзала, все трое ринулись в туалет. Сделав свои дела, Ню Сяоли осмотрела свои ноги, – они ужасно отекали и теперь при нажатии на них образовывались ямки. Она посмотрела на ноги Чжу Цзюйхуа, но ничего подобного не увидела. Тогда она посмотрела на Сяохоу, но тот не только не страдал от отеков, но, полный сил, снова вооружился вертушкой и как сумасшедший гонял с ней по привокзальной площади. Похоже, эти двое были приспособлены к трудностям намного лучше, чем Ню Сяоли. В городе только что прошел дождь, поэтому малейший ветерок обдавал холодом. Ню Сяоли и Чжу Цзюйхуа быстренько утеплились; на Сяохоу Чжу Цзюйхуа тоже надела одежду потолще. После этого все трое снова пристроились на ночлег у вокзальной стены. На следующий день с утра пораньше они сели на городской автобус и доехали до автовокзала. Пассажиров на междугородний автобус до уездного центра Циньхань было совсем немного, больше половины мест в нем пустовали. Сяохоу, на которого билета не покупалось, усадили на свободное место между Ню Сяоли и Чжу Цзюйхуа. По сравнению со вчерашней поездкой на поезде здесь они чувствовали себя более чем вольготно. Ню Сяоли поняла, что Циньхань – это глушь, в которую мало кто ездит.

Когда автобус выехал из административного центра, вокруг раскинулся пейзаж из гор и водоемов, который резко разнился с тем, что остался в родных краях за четыре с лишним тысячи ли. Если там повсюду расстилалась равнина, то здесь местность была горной, за каждой из гор высилась еще одна гора, поэтому их автобус то и дело проезжал сквозь тоннели. В дороге у Сяохоу поднялась температура. Еще совсем недавно до посадки на автобус с ним все было в полном порядке, но стоило им отъехать, как у мальчика начался жар. Ню Сяоли предположила, что раз температура у Сяохоу поднялась в автобусе, то, скорее всего, он простыл еще в поезде. Они все время простояли в тамбуре, где сильно поддувало снизу. И хотя в потной толпе они не мерзли, Сяохоу, который то и дело кемарил, всякий раз просыпался мокрым от пота, видимо из-за этого его и продуло. Было бы даже странно, если б ребенок не заболел после такой ужасной дороги. Но Чжу Цзюйхуа возразила: «Если бы его продуло в поезде, он бы затемпературил еще вчера вечером, с чего бы организму так долго ждать? Скорее всего, температура поднялась из-за того, что нам пришлось после дождя коротать ночь на улице. И пусть мы укрывались одеялом, земля-то была холодной, вот Сяохоу и замерз». Ню Сяоли доводы Чжу Цзюйхуа показались убедительными. Сначала у Сяохоу горел только лоб, но к обеду мальчик уже горел целиком. В этот момент они как раз проезжали уездный центр Дацин, и Ню Сяоли предложила выйти и сходить с Сяохоу в больницу. Чжу Цзюйхуа вместо ответа шлепнула Сяохоу по щеке и выругалась: «Твою мать, знала бы, не брала бы тебя с собой!» Сяохоу вскрикнул и расплакался. Ню Сяоли не знала, плакать ли ей вместе с ним или смеяться, она заметила, что мальчик не мог специально напустить на себя жар, и вообще ему всего лишь четыре года. С этими словами она встала и взяла багаж, собираясь на выход. Однако Чжу Цзюйхуа не двинулась с места.

– Никуда мы не пойдем, разве поход к врачу не стоит денег? – сказала она.

– Но мы ведь не можем жертвовать его жизнью, – возразила Ню Сяоли.

– Да с тех пор, как он родился, я его ни разу врачам не показывала. Пока доедем до Циньханя, он уже поправится.

Ню Сяоли ничего не оставалось, как усестись обратно на свое место. Прошло еще четыре-пять часов, и к вечеру их автобус наконец прибыл на автовокзал уездного центра Циньхань. Сяохоу открыл глаза; Ню Сяоли потрогала его лоб: жар действительно прошел. Выйдя из автобуса, Сяохоу снова резвился как ни в чем не бывало. Ню Сяоли втайне только подивилась: вот уж правда и смех и слезы. Тут Чжу Цзюйхуа попросила Ню Сяоли покараулить вещи, пока она сводит Сяохоу в туалет. Ню Сяоли кивнула, и Чжу Цзюйхуа, взяв Сяохоу за руку, потянула

его к туалетам, которые располагались в западной части привокзальной площади. Ню Сяоли в это время сильно захотелось пить, поэтому, волоча за собой вещи, она подошла к ближайшему магазинчику, купила там бутылку воды и в ожидании Чжу Цзюйхуа с Сяохоу стала утолять жажду. Но прошло полчаса, а те все не возвращались. Прошел час, но их все так же не было. Прошло два часа, но Чжу Цзюйхуа с Сяохоу как сквозь землю провалились. Ню Сяоли запаниковала. Взвалив на себя багаж, она бегом направилась к туалетам в западной части площади. Забежав в женское отделение, она проверила кабинку за кабинкой, чтобы найти хоть какой-то след, оставленный Чжу Цзюйхуа и Сяохоу. Выйдя из туалета, Ню Сяоли поняла, что дело дрянь. Чжу Цзюйхуа сбежала вместе с Сяохоу, и даже вещами своими пожертвовала.

7

Ню Сяоли открыла сумку Чжу Цзюйхуа: в ней оставалось еще три-четыре лепешки. Раскрыв ее мешок, она нашла там головной платок Чжу Цзюйхуа, несколько поношенных вещичек Сяохоу, а еще то самое старенькое одеяло, которым они укрывались. Глядя на эти вещи, Ню Сяоли сперва пришла в полное замешательство – ведь они так хорошо ладили всю дорогу. Будучи, по сути, совершенно чужими и не зная друг о друге ничего, они стали в доску своими и делились друг с другом секретами, даже спали под одним одеялом. Как же Чжу Цзюйхуа могла вот так вот взять и сбежать? Но потом Ню Сяоли поняла, что именно в этом и состояла хитрость Чжу Цзюйхуа. Всю дорогу та плела ей сладкие речи и совсем заморочила Ню Сяоли голову. Окончательно ее запутав, Чжу Цзюйхуа распрощалась со своим багажом и, прихватив Сяохоу, пустилась в бегство. Тут до Ню Сяоли неожиданно дошло, что Чжу Цзюйхуа отдала ей только свои вещи, а вот деньги на дорожные расходы оставила у себя в штанах. За все время пути до уездного центра Циньхань, который находился за четыре с лишним тысячи ли от их дома, они не допускали никакого расточительства, а потому потратили всего около шестисот юаней, то есть у них оставалось еще две тысячи четыреста юаней. Глядя, как рачительно относилась к деньгам Чжу Цзюйхуа, которая даже во время болезни Сяохоу отказалась от медицинской помощи, Ню Сяоли думала, что та поступает так из лучших побуждений. Только сейчас Ню Сяоли поняла, что Чжу Цзюйхуа поступала так, исходя из личных интересов. Ню Сяоли проделала длинное и трудное путешествие в четыре тысячи с лишним ли ради того, чтобы найти беглянку, но никак не ожидала, что к одной беглянке присоединятся еще двое беглецов. Мало того, что десять дней назад ее надула Сун Цайся, которую она выбрала в жены своему брату, так теперь, когда Ню Сяоли очутилась в провинции N, ее надула еще и Чжу Цзюйхуа. И оба раза она осталась в дураках. Ню Сяоли вдруг поняла, что Лао Синь из деревни Синьцзячжуан вел себя с Чжу Цзюйхуа совершенно правильно. Каждый месяц он выдавал Чжу Цзюйхуа лишь двадцать юаней, на такие деньги из дома до Циньханя не убежишь. Его жестокость была оправдана: не будь он таким, Чжу Цзюйхуа уже давно бы его обманула. Обычно она всегда находилась рядом с Лао Сином и никуда не убегала, зато теперь, когда ей подвернулась Ню Сяоли и три тысячи юаней, она взяла и сбежала. Ню Сяоли стала размышлять, почему Чжу Цзюйхуа, на сохранности которой были деньги на дорогу, не сбежала раньше, а дождалась, когда они приедут в Циньхань. Но, поразмыслив, она поняла, что в отличие от других городов, в Циньхане Чжу Цзюйхуа, не в пример Ню Сяоли, прекрасно ориентировалась, что стало ее козырем против неосведомленности Ню Сяоли. Кроме того, Ню Сяоли не понимала, от кого все-таки сбежала Чжу Цзюйхуа: от нее или от Лао Синя из деревни Синьцзячжуан? Другими словами, как долго она собиралась скрываться? Если Чжу Цзюйхуа сбежала от Ню Сяоли, то это одно, но если она хотела на всю жизнь избавиться от Лао Синя, то это совсем другое. Если бы Чжу Цзюйхуа сбежала лишь на время, это бы касалось исключительно Ню Сяоли, но если та сбежала навсегда, то как потом Ню Сяоли объяснит Лао Синю, что его жена ускользнула из ее рук? Но что бы ни задумала Чжу Цзюйхуа, Ню Сяоли решила, что прежде чем отправиться

на поиски Сун Цайся, сперва она должна разыскать Чжу Цзюйхуа. Когда они были в деревне Синьцзячжуан, Чжу Цзюйхуа обмолвилась, что ее мать живет в деревне Минчаоцунь, что в волости Сундайсян в уезде Циньхань. Ню Сяоли взвалила на себя вещи, тут же на автовокзале наняла моторикшу, погрузила к нему весь багаж, следом забралась сама и, усевшись поверх сумок, скомандовала моторикше ехать в Минчаоцунь, что в волости Сундайсян. Про себя Ню Сяоли рассуждала, какая все-таки дура эта Чжу Цзюйхуа: ну куда она теперь от нее денется, если дала точный адрес своей матери? Как говорится, убежал монах, да не сбежит монастырь. «Пусть даже я тебя не найду, – думала Ню Сяоли, – зато найду твоих родственников, а если найду твоих родственников, то потом найду и тебя». Местность в уезде Циньхань тоже была горной; выехав за пределы города, моторикша вырулил на горную трассу, ухабистая дорога то и дело петляла, вызывая ужасную тряску. Подпрыгивая на вещах, Ню Сяоли в который раз стала костерить Чжу Цзюйхуа за ее обман. Она представляла, как доберется до волости Сундайсян, потом до деревни Минчаоцунь, как найдет дом Чжу Цзюйхуа, как приткнет ее к стенке и спросит, когда именно та разглядела в ней идиотку. Точно такой же вопрос Ню Сяоли собиралась задать и Сун Цайся, когда разыщет ее. Потом она представила, как кинется на эту коротышку, как схватит ее за волосы, как залепит ей хороших пощечин, взывая к ее совести. Если же Ню Сяоли найдет Чжу Цзюйхуа у реки, то тут же сбросит в воду, а потом возьмет палку и будет без устали ее колотить, точно так же, как несколько дней назад Фэн Цзиньхуа проделал это с Лао Синем. Но только в отличие от Лао Синя, которому все-таки дали выбраться на берег, Чжу Цзюйхуа Ню Сяоли на берег не выпустит, пусть та захлебнется и утопнет. Если же Ню Сяоли встретит ее на суше, то, к счастью, у нее с собой припасена бутылочка с серной кислотой. Она выплеснет ее прямо в лицо Чжу Цзюйхуа, и пока та будет орать, Ню Сяоли будет наблюдать, как серная кислота дымится на ее коже и как превратившаяся в кровавое месиво плоть клочьями опадает на землю. Вдруг Ню Сяоли вспомнила Сяоху, который ночью на вокзале гладил ее лицо и говорил, какая она красивая. Неужели он тоже пособничал Чжу Цзюйхуа, помогая той обвести ее вокруг пальца? Этому ребенку было всего четыре года, если все это время он тоже притворялся, то он настоящий артист. Но ребенок наверняка не знал, что замыслила его мать, так что главной преступницей Ню Сяоли считала Чжу Цзюйхуа.

Вдруг Ню Сяоли вспомнила, что, отправляясь в дорогу, взяла с собой всего пятьсот юаней, поскольку заранее знала, что Чжу Цзюйхуа принесет три тысячи на дорожные расходы. Она быстро пощупала вшитый внутрь нагрудный карман; эти деньги были на месте, но основная сумма-то осталась у сбежавшей Чжу Цзюйхуа. Ню Сяоли также вспомнила, как три дня назад на автовокзале Чжу Цзюйхуа хотела было вытащить зашитые в штаны три тысячи, чтобы передать их Ню Сяоли, но она, доверившись Чжу Цзюйхуа и решив, что так будет безопаснее, сама позволила той хранить деньги у себя. «Вот если бы тогда я все-таки забрала эти деньги, – думала Ню Сяоли, – то теперь бы я не была связана по рукам и ногам». Тут она поняла, что Чжу Цзюйхуа взяла с собой Сяоху вовсе не для того, чтобы сбежать от Ню Сяоли. То, что мать с ребенком убежали вместе, говорило о том, что те решили избавиться от Лао Синя и больше никогда не возвращаться в деревню Синьцзячжуан. Чжу Цзюйхуа упоминала, что Сяоху родился не от Лао Синя и что она вышла замуж уже с ребенком. Судя по всему, этот переезд Чжу Цзюйхуа вместе с Сяоху в провинцию N также был частью ее плана. Но почему она сбежала от Лао Синя? Ню Сяоли вспомнила, как Чжу Цзюйхуа в дороге жаловалась, что терпеть не может Лао Синя, и виной тому было не только его жестокое обращение, но еще и мужское бессилие. С ее слов, именно потому, что по ночам у него были проблемы, днем он вел себя как бешеный. Ню Сяоли снова вспомнила Сун Цайся. А что, если та тоже сбежала, потому что у старшего брата Ню Сяоли, Ню Сяоши, по ночам были проблемы? Ню Сяоши, как и Лао Синь, был низкорослым и внешне безобразным. Поскольку никого из местных девиц он соблазнить не смог, Ню Сяоли пришлось подыскать ему жену из другой провинции. В ту ночь, когда молодые уединились в комнате для новобрачных, Ню Сяоли пыталась расслышать

хоть что-нибудь. Но сколько бы она ни ждала, из комнаты не доносилось ни единого шороха. Ню Сяоли даже забеспокоилась. Однако на следующее утро во время завтрака она заметила, что Ню Сяоши тайком улыбается, и с облегчением выдохнула. Теперь ее мучил вопрос: что могла выражать его улыбка – победу или поражение? Если победу, то какую именно? Мысли Ню Сяоли от Лао Синя и старшего брата перетекли к Фэн Цзиньхуа.

Когда Ню Сяоли сошлась с Фэн Цзиньхуа, едва им удавалось уединиться, они зачитывались романом «Речные заводы»⁶. Читали они всегда одну и ту же главу про Пань Цзиньлянь. И пока они ее читали, так сильно возбуждались, что тут же начинали заниматься любовью, да так рьяно, что их крики не стихали целый час. Одной из причин, по которой Ню Сяоли сошлась с Фэн Цзиньхуа, было именно то, что тот был хорош в постели. Фэн Цзиньхуа при этом всегда замечал: «Поскольку У Далан из „Речных заводов“ был коротышкой, то всегда проигрывал в постели, поэтому у его жены и появился любовник Симэнь Цин». А что, если Сун Цайся тоже убежала из-за того, что Ню Сяоши был плох в постели так же, как Лао Синь и У Далан? Если бы у Ню Сяоши все было в порядке, то у Ню Сяоли, может, и не возникло бы этих мытарств с погоней за Сун Цайся и Чжу Цзюйхуа? Тут же Ню Сяоли вспомнила, что Сун Цайся все-таки была аферисткой. Она изначально сошлась с Ню Сяоши, чтобы их обокрасть, так что независимо от того, каким бы ее муж был в постели, она все равно бы сбежала. Сун Цайся, понятное дело, сбежала ради денег, но ради чего вместе с ребенком сбежала Чжу Цзюйхуа, у которой из-за осторожности Лао Синя и денег-то не было? Неужто только ради того, чтобы избавиться от Лао Синя, или у нее была другая тайна? Ню Сяоли не находила этому логического объяснения, а потому всю дорогу ее мысли металась от одной к другой.

От уездного центра Циньханя до волости Сундайсян было около тридцати ли, а от Сундайсян до деревни Минчаоцунь – еще семнадцать-восемнадцать ли. Пока моторикша доехал до Минчаоцунь, уже закатилось солнце. Расспрашивая деревенских о беглянке, Ню Сяоли окончательно одурела. Никакой Чжу Цзюйхуа здесь не проживало. И не только Чжу Цзюйхуа, но и ее родственников. И не только родственников, но даже тех, кто бы носил фамилию Чжу, при всем при том, что в деревне были и Чжаны, и Хуны, и Фани, и Баи, и Гоу. Тут до Ню Сяоли дошло, что ее просто-напросто одурачили. Другими словами, все, что говорила ей Чжу Цзюйхуа, было враньем. Она обманула не только Ню Сяоли, но и Лао Синя из деревни Синьцзячжуан, причем дурачила она его не один день, она прожила с ним три года и все это время обманывала его, просто тот ни о чем не подозревал. Стоя на околице, Ню Сяоли не знала, что ей делать дальше. Если Чжу Цзюйхуа не было в Минчаоцунь, то в какой деревне она могла быть? Даже если Циньхань действительно ее родина, он огромен. Ню Сяоли никого здесь не знала и тыкалась, как слепой котенок, совершенно не представляя, где искать Чжу Цзюйхуа. Учитывая то, что Чжу Цзюйхуа врал в течение последних трех лет, Ню Сяоли стала сомневаться, что та действительно приехала из уезда Циньхань. Но если не отсюда, то откуда? Акцент Чжу Цзюйхуа говорил о том, что она все-таки из этой провинции, но в этой провинции проживало десять миллионов человек, и деревень в ней было, что звезд на небе – так в какой из них следовало ее искать? Пока Ню Сяоли про себя сокрушалась, моторикша, который доставил ее в деревню Минчаоцунь, спросил:

– Что дальше?

Ню Сяоли подняла голову; уже полностью стемнело, во всех домах зажегся свет. Раз Чжу Цзюйхуа в этой деревне не проживала, оставаться здесь бессмысленно. Ню Сяоли решила для начала вернуться в уездный центр, а там уже придумать что-то дельное, поэтому распорядилась:

⁶ Один из известных классических романов Китая, написанный Ши Найанем (1291–1370), в котором помимо историй о подвигах добрых молодцев содержится перекликающийся с романом «Цветы сливы в золотой вазе» сюжет о распутнице Пань Цзиньлянь, ее муже У Далани и любовнике Симэнь Цине.

- Возвращаемся в город.
- Это будет непросто.
- Что же, нам оставаться тут на ночевку? – удивилась Ню Сяоли.
- То-то и оно, что, если не останемся, дорога назад будет сложной.
- В каком смысле? – спросила Ню Сяоли.
- Это горная трасса, и ночью она опасна.
- Поедем помедленнее, – предложила Ню Сяоли.
- От скорости это не зависит.
- Что это значит?
- Тариф днем и ночью разный, нужно доплачивать.

Ню Сяоли смекнула, что моторикша ее шантажирует. Когда она его нанимала, они договорились, что поездка от города до деревни Минчаоцунь и обратно будет стоить восемьдесят юаней. Ню Сяоли спросила:

- И сколько же ты хочешь набросить?
- Восемьдесят, – ответил моторикша.

Ню Сяоли даже подпрыгнула от возмущения. Восемьдесят плюс еще восемьдесят, это уже получится сто шестьдесят. В обычное время сто шестьдесят юаней показались бы Ню Сяоли вполне приемлемой суммой, но сейчас, когда при ней было лишь пятьсот юаней, на которые она собиралась жить, пока будет разыскивать Чжу Цзюйхуа и Сун Цайся, эти сто шестьдесят юаней были для нее большими деньгами. Поэтому она стала спорить:

- Ты случаем не грабитель? Я могу доплатить только двадцать юаней.
- За такие деньги мне проще оставить тебя здесь, – отозвался мужчина.
- Раз так, я дойду пешком.
- Тогда оплати поездку сюда, – рассердился моторикша.

– Мы договаривались о восьмидесяти юанях туда и обратно, за поездку в одну сторону выходит сорок.

С этими словами Ню Сяоли вытащила сорок юаней и бросила их мужчине. Моторикша тоже психанул: подобрав деньги, он выбросил багаж Ню Сяоли на землю и, дав по газам, поехал прочь. Ню Сяоли подобрала сумки, взвалила их на себя и, выйдя из деревни, в одиночестве побрела по горной трассе. Через два ли, дойдя до поворота, она заметила у подножия горы моторикшу, который, усевшись на корточках на обочине дороги, курил. Ню Сяоли, не обращая на него внимания, прошла мимо. Мужчина подскочил к своему мопеду, нагнал ее и стал приставать:

- Может, сойдемся на шестидесяти?
- Сказала двадцать, значит двадцать, – упорствовала Ню Сяоли.
- А как насчет сорока? – не отставал моторикша.

Ню Сяоли и ухом не повела. Тогда мужчина смачно сплюнул и сказал:

- В жизни не встречал таких скупердяек.

Ню Сяоли по-прежнему его игнорировала. Еще через один ли пути моторикша не вытерпел и, всплеснув руками, заявил:

– Хороший мужик с бабой спорить не будет, садись уже, – и тут же себе под нос пробурчал: – Двадцать и сорок выйдет шестьдесят. – Немного помолчав, он снова буркнул: – Шестьдесят – это всяко лучше, чем если бы я пустым возвращался.

В этот момент Ню Сяоли подумала, что мужчина все-таки оказался честным. Она погрузила свои сумки и, забравшись на моторикшу, уселась на них сверху. Моторикша дал по газам и устремился с горы со скоростью куда большей, чем это было днем, чем до смерти напугал Ню Сяоли.

Когда они добрались до уездного центра, было уже далеко за полночь. Ню Сяоли спрыгнула на землю, отдала шестьдесят юаней, навьючила на себя сумки и остановилась, не зная,

куда ей податься. Этот город был для нее совершенно незнакомым, единственное место, которое она здесь знала, это автовокзал. Именно туда утром ее доставил автобус из провинциального центра. Поэтому, нагрузившись сумками, она направилась в сторону автовокзала. Но зал ожидания уже закрыли. Вдруг Ню Сяоли почувствовала, что проголодалась, только сейчас она вспомнила, что с самого утра ничего не ела. На оплату моторикши туда и обратно у нее ушло сто юаней, стало быть, у нее оставалось четыреста юаней. Эти деньги ей еще пригодятся, разве может она потратить их на поход в закусочную? Тут Ню Сяоли вспомнила, что в сумке Чжу Цзюйхуа оставалось еще несколько лепешек. Она присела на ступенях площади, вытащила лепешку, потом вытянула из мешка Чжу Цзюйхуа пучок лука и, закусывая им, стала уминать лепешку. Возможно, из-за того, что Ню Сяоли сильно проголодалась, она с таким аппетитом набросилась на еду, и в этот раз лепешка ничуть не показалась ей твердой. Она была такой же вкусной, как тогда на автовокзале, когда она ела в компании с Чжу Цзюйхуа и Сяохоу. Помнится, они втроем ели эти лепешки вместе с горячей бараньей похлебкой, да с таким аппетитом, что даже вспотели от удовольствия. Расправившись с лепешкой, Ню Сяоли отправилась в восточную часть вокзала, где вдоволь напилась воды из-под крана. Потом она взяла свои сумки и стала искать место для ночлега. Позволить себе гостиницу она не могла, а увидев напротив вокзала круглосуточный магазинчик, решила, что рядом с вокзалом все-таки будет безопаснее, и потому, как и прежде, направилась под карниз автовокзала. Усевшись у самой стены, Ню Сяоли вытащила из мешка оставленное Чжу Цзюйхуа старенькое одеяло и накинула его на себя. Тут рядом с ней, тыкая в бумажки палкой с острым наконечником, появилась собиравшая мусор женщина. Когда она уже прошла мимо, Ню Сяоли вдруг показалось, что она ее знает. Присмотревшись к ее росту и фигуре, она узнала в ней сбежавшую восемь лет назад мать. Со времени ее побега от нее не было никаких вестей. Поговаривали, что кто-то видел ее на ночном рынке в Сиане, но тогда как она очутилась здесь? Ню Сяоли рывком отбросила от себя одеяло, догнала женщину и развернула ее к себе, чтобы убедиться наверняка, но она обозналась. Удивившись странному поведению Ню Сяоли, женщина застыла как вкопанная. Ню Сяоли вернулась на свое место, укрылась одеялом и, пристроившись у стены, задремала. Она в очередной раз раскаивалась, что в тот год, когда ей было четырнадцать, она прогнала из дома свою мать. Какой бы потаскухой та ни была, все-таки она была ее матерью. И вообще, так ли важно, что твоя мать потаскуха? Если бы она осталась с ними, то домашние дела не легли бы тяжким бременем на плечи Ню Сяоли, и спустя восемь лет ей не пришлось бы одной ночевать на вокзале в Циньхане, который находился в четырех с лишним тысячах ли от родного дома. Эти грустные мысли заставили Ню Сяоли расплакаться. Проливая слезы, она выругалась: «Ню Сяоли, твою мать!»

8

Измотанная Ню Сяоли проспала до самого утра. Проснувшись, она вдруг почувствовала, что у нее болит живот. Сначала ей показалось, что у нее начались женские дела, но тут ее утроба заурчала и Ню Сяоли срочно захотелось опорожниться; она поняла, что у нее, скорее всего, понос. Быстро подхватив одеяло и сумки, Ню Сяоли побежала к туалету в западной части площади. Именно сюда вчера вечером устремилась Чжу Цзюйхуа вместе с Сяохоу. Добежав до туалета, Ню Сяоли бросила одеяло с сумками на раковину, а сама стянула штаны и, присев над очком, громко бахнула, после чего из нее полило как из ведра. «Во-первых, – рассуждала она про себя, – я так намоталась за эти дни, что спала как убитая. Ночи в горах холодные, и пусть я спала под одеялом, но лежала-то на голой земле, вот и простыла так же, как Сяохоу, который в дороге даже температурил. Во-вторых, вчера вечером, стремясь сэкономить, я мало того что ела всухомятку лепешку с луком, так еще и запила ее холодной водой из-под крана, вот и застудила желудок. Лучше бы съела горячего супа, отогрелась бы, и все было бы хорошо».

Теперь она раскаивалась, что в чужих краях пыталась на себе сэкономить, навредив своему здоровью. Ведь она прекрасно знала такую мудрость: «Дома будь беден, а в дороге – богат». Но, имея при себе лишь четыреста юаней, на которые она должна была кормиться, пока ищет двух беглянок в незнакомом уезде Циньхань, Ню Сяоли не решалась жить на широкую ногу. Оporожнив кишечник, она почувствовала заметное облегчение.

Выйдя из туалета, Ню Сяоли сложила одеяло в мешок и поспешила в аптеку за лекарством. Посоветовавшись с аптекарем, она потратила четыре юаня и купила упаковку берберины. Там же в аптеке она попросила стакан теплой воды и приняла сразу четыре таблетки. Выйдя на свежий воздух, она почувствовала, что проголодалась. Не осмелившись снова перебиваться сухой лепешкой, Ню Сяоли пошла в южную часть площади к закусочным, где за три юаня купила чашку пельменей в бульоне. Поев горячего, она почувствовала себя гораздо лучше. Поскольку ум ее тоже прояснился, Ню Сяоли посмотрела на происходящее по-новому. Она стала размышлять, кого ей следовало искать первым, но тотчас поняла, что вчера все поставила с ног на голову. Ведь для чего она приехала в эту провинцию за тридцать земель от своего дома? Ради того, чтобы найти Сун Цайся. Зачем ей понадобилась Сун Цайся? Чтобы вернуть деньги. Но вместо этого, не найдя Сун Цайся, она отправилась на поиски Чжу Цзюйхуа. Вчера в порыве злости она спутала приоритеты и приехала в деревню, где, по словам Чжу Цзюйхуа, проживала ее мать, но поскольку деревня оказалась не той, которая нужна, Ню Сяоли осталась ни с чем. Теперь же, поставив Сун Цайся и Чжу Цзюйхуа на одну доску, Ню Сяоли рассудила, что важнее было найти Сун Цайся. Ведь если Чжу Цзюйхуа надула ее на две тысячи четыреста юаней, то Сун Цайся утащила с собой аж сто тысяч! Ну разве Ню Сяоли не пожертвовала арбузом ради семечка, когда вместо Сун Цайся пустилась в погоню за Чжу Цзюйхуа? Разумеется, вчера она переживала, что из-за побега Чжу Цзюйхуа у нее потом возникнут сложности с Лао Синем из деревни Синьцзянчуан, но поскольку уже случилось то, что случилось, она решила на время забыть про Лао Синя и прежде всего позаботиться о себе. Поэтому, начиная с сегодняшнего дня, она решила оставить в покое Чжу Цзюйхуа и сперва найти Сун Цайся. Родной дом Сун Цайся находился в деревне Ютанцунь, что в волости Вэйцзиньсян уезда Циньхань. Ню Сяоли видела ее удостоверение личности, да и Чжу Цзюйхуа говорила то же самое. У хозяина закусочной, что продавал пельмени в бульоне, Ню Сяоли разузнала, что деревня Ютанцунь находится в сорока с лишним ли от уездного центра, это было на пять ли ближе, чем деревня Минчаоцунь в волости Сундайсян, в которую вчера по ложной наводке Чжу Цзюйхуа ездила Ню Сяоли. Решив довести дело до конца, Ню Сяоли покинула пельменную, нашла моторикшу, договорилась, что туда и обратно он отвезет ее за семьдесят юаней, забросила к нему свой багаж, сама уселась сверху и отправилась в деревню Ютанцунь в волости Вэйцзиньсян.

Хотя от уездного центра в деревню Ютанцунь, что в волости Вэйцзиньсян, также вела горная трасса, дорогу туда недавно заасфальтировали, поэтому добираться по ней было одно удовольствие. Спустя два часа Ню Сяоли прибыла в Ютанцунь. В этой деревне насчитывалось сто с лишним дворов, однако от восточной до западной окраины в ней не нашлось ни одного человека по имени Сун Цайся. Хоть в этой деревне и проживали семьи по фамилии Сун, родственных связей с Сун Цайся они не имели. Теперь до Ню Сяоли дошло, что она угодила в ловушку Сун Цайся точно так же, как до этого угодила в ловушку Чжу Цзюйхуа. Когда Ню Сяоли приехала сюда, у нее, конечно же, было предчувствие, что Сун Цайся может проделать точно такой же трюк, как и Чжу Цзюйхуа, и назвать адрес совершенно другой деревни. Но поскольку она видела ее удостоверение, то надеялась, что адрес указан верный. Но, вероятно, удостоверение тоже было фальшивым. Хотя Ню Сяоли снова осталась в дураках, она рассудила, что раз Сун Цайся настолько хорошо знала названия здешних деревень, что использовала их в своих рассказах о себе, то наверняка эти места она знала. Чужак из других мест не смог бы так складно врать: историю о себе придумать-то можно, но вот название захолустной дере-

вушки так просто не выдумаешь. А раз она так хорошо знала эти места, то ее настоящая родная деревня наверняка находилась где-то неподалеку. И пусть деревня была другой, не исключено, что она находилась в этой же волости. Каким бы ни был заколдованный круг, созданный Сун Цайся, он был недалеко от норы, где пряталась эта лиса. Ню Сяоли решила продолжить поиски в этой волости. Она уселась к моторикше и поехала в Вэйцзиньсян, где размещалась сельская администрация. Добравшись до Вэйцзиньсян, она направилась в местный полицейский участок. Там за дежурной стойкой сидел молодой полицейский. Ню Сяоли во всех подробностях изложила ему, как ее обманула Сун Цайся, и попросила помочь отыскать в их селе эту аферистку. Вопреки ожиданиям Ню Сяоли, молодой полицейский, выслушав рассказ, уставился на нее и спросил:

– А ты понимаешь, что этот ваш брак был незаконным?

Ню Сяоли, поколебавшись, ответила:

– Понимаю.

– А понимаешь, что на незаконный брак законы не распространяются?

– Понимаю.

– С точки зрения закона нахождение этой женщины у вас дома в течение пяти дней можно рассматривать как покушение на ее свободу. А ты понимаешь, что это противозаконно? Если она на вас донесет, мы будем вынуждены встать на ее защиту. Ее побег можно квалифицировать как самостоятельную попытку освободиться, поэтому разыскивать ее ни к чему. Но если ты снова задумала лишить ее свободы, это будет рассматриваться как преднамеренное нарушение закона, поняла?

Ню Сяоли застыла на месте. Когда к ней вернулся дар речи, она спросила:

– Братец, она украла у нас сто тысяч юаней, это же мошенничество, разве она не нарушила закон?

Молодой полицейский кивнул:

– Мошенничество противозаконно, но есть ли у тебя доказательства? Ты сказала, что она украла у вас сто тысяч, может, она давала вам расписку? Так давай я по смотрю.

Никакой расписки от Сун Цайся у Ню Сяоли не было. В свое время она планировала взять у нее расписку, когда та уже станет женой Ню Сяоши и окажется у них дома. Но кто же знал, что та сбежит? Ню Сяоли и в голову не пришло оформить сделку заранее. Почувствовав слабость во всем теле, Ню Сяоли сказала:

– Братец, я проделала путь в несколько тысяч ли.

– Для закона расстояние не имеет значения, он признает лишь факты и доказательства.

– Братец, для нашей семьи сто тысяч – сумма немаленькая.

– Но твои доводы голословны, как я могу тебе поверить?

– Братец, я тебя умоляю.

Молодой полицейский перестал обращать на нее внимание и уткнулся в свой мобильник. Ню Сяоли вышла из полицейского участка. Она смотрела на оживленную улицу и не знала, что делать дальше. Тут ей пришла в голову идея. Вытащив из кармана деньги, она рассчиталась с моторикшей, а сама направилась к растущей наискосок от полицейского участка софоре, положила там свой багаж и стала наблюдать за участком. В этот момент ей вспомнились ее недавние проблемы с животом: рано утром у нее случился понос, и она переживала, что в дороге он застанет ее повторно, однако ничего подобного не произошло. Она напрочь забыла про свои проблемы и теперь оценила лекарство, которое приняла утром. Стало быть, за здоровье Ню Сяоли уже могла не волноваться. В полдень дежуривший в первую смену полицейский вышел из участка. Дождавшись, когда тот скроется из виду, Ню Сяоли снова вернулась в участок. На этот раз за стойкой сидел полицейский средних лет. В руках он держал миску с рисом и, отправляя в рот ложку за ложкой, не отрываясь, смотрел в лежавший перед ним мобильник.

– Братец, помоги мне, – окликнула его Ню Сяоли.

Подняв голову, тот спросил:

– Что случилось?

– Я приехала из Шэньчжэня на свадьбу одной своей знакомой. Но по дороге – так мне и надо! – у меня в поезде украли сумочку и мобильник. Я только знаю, что знакомая из этого села, а из какой деревни – забыла. Можешь помочь мне найти ее?

– Иди к телефону-автомату и позвони ей.

– Так откуда я возьму ее номер, если он хранился в мобильнике?

Полицейский посмотрел на нее и спросил:

– Кем она тебе приходится?

– Мы с ней хорошие знакомые, вместе работали в Шэньчжэне. Будь то любое другое дело, я бы вас и не беспокоила, но тут речь о свадьбе.

Полицейский отставил миску.

– Как ее зовут? – спросил он.

– Сун Цайся.

Полицейский бросил взгляд на Ню Сяоли, подкатил свой стул к компьютеру и принялся проверять списки. Спустя минут пять он сообщил Ню Сяоли, что, согласно данным о прописке, в волости Вэйцзиньсян проживает целых пять женщин по имени Сун Цайся: в деревнях Хуалицунь, Тяньпинцунь, Сюйцзябацунь, Юйхэцунь и Шацзыпоцунь. Ню Сяоли быстро вытащила из сумки карандаш, взяла со стола старую газету, переписала на нее названия пяти деревень и, поблагодарив полицейского, покинула участок.

Ню Сяоли снова наняла моторикшу и с газетой в руках за полдня объехала все пять деревень. В трех из них Сун Цайся оказались на месте, но ни одна из них не была той, которую искала Ню Сяоли. Причем одной из них было уже за восемьдесят. Двух других Сун Цайся Ню Сяоли на месте не застала – они уехали на заработки. Однако Ню Сяоли побывала у них дома и взглянула на фото этих Сун Цайся, но и они не были той, которая нужна. По-видимому, это не то село, о котором говорила Сун Цайся, точно так же, как и деревня Ютанцунь – не та деревня Ютанцунь. Похоже, обман Сун Цайся зашел намного дальше, чем предполагала Ню Сяоли. Но поскольку названий здешних мест Сун Цайся все-таки выдумать не могла, она, скорее всего, проживала где-то рядом. Ню Сяоли выяснила, что в уезде Циньхань находится двенадцать волостей. Одну из них Ню Сяоли уже объездила, оставалось объездить еще одиннадцать. Ню Сяоли приняла решение потратить максимум полмесяца, но объездить оставшиеся одиннадцать волостей. Она перевернет вверх дном весь уезд Циньхань и хоть из-под земли достанет, но найдет настоящую Сун Цайся. Итак, Ню Сяоли отправилась в ближайшую волость, намереваясь воспользоваться уже проверенным в Вэйцзиньсяне приемом. Сперва она направилась в местный полицейский участок, в котором сказала, что едет на свадьбу, и полицейский выдал ей адреса целых восьми Сун Цайся. Очередные поиски вновь ни к чему не привели. К этому времени у Ню Сяоли при себе осталось лишь двадцать юаней. Она позвонила Фэн Цзиньхуа и попросила его перевести ей на банковскую карту еще три тысячи. Фэн Цзиньхуа для начала спросил, нашла ли она Сун Цайся, а заодно сообщил, что вчера к нему приходил Лао Синь из деревни Синьцзячжуан. Оказывается, с тех пор как Чжу Цзюйхуа и Сяохуо уехали вместе с Ню Сяоли в провинцию N, они ни разу ему не позвонили, сама Чжу Цзюйхуа на звонки тоже не отвечает, поэтому Лао Синь спрашивал, что случилось. Потом Фэн Цзиньхуа поинтересовался, как можно было за одну неделю потратить три тысячи, которые Чжу Цзюйхуа взяла с собой на дорожные расходы. Он хотел знать, на что им еще понадобились деньги. Ню Сяоли было сложно ответить сразу на все вопросы, а может, она просто никого не хотела посвящать во все подробности. Ведь узнай о случившемся Фэн Цзиньхуа и Лао Синь, они бы только усложнили дело. Именно поэтому, когда от Ню Сяоли сбежали Чжу Цзюйхуа и Сяохуо, она не сказала Фэн Цзиньхуа, что при себе у нее осталось лишь пятьсот юаней. И только сейчас, когда Ню Сяоли действительно стало невмоготу, она позвонила Фэн Цзиньхуа. Потеряв терпение, она заявила:

– А ты думал, это просто – найти человека?

И тут же добавила:

– Если я прошу тебя достать деньги, так достань их, к чему вся эта болтовня?

С этими словами она бросила трубку. Фэн Цзиньхуа не посмел ее послушаться и тем же вечером перевел на карту Ню Сяоли три тысячи. Для надежности Ню Сяоли не стала снимать в банкомате сразу всю сумму, а сняла лишь пятьсот юаней, решив, что будет брать деньги по мере необходимости. Едва у Ню Сяоли появились деньги, как она без промедления снова отправилась прочесывать одну за другой деревни. Но несмотря на то что теперь она была при деньгах и готова к затяжной войне, Ню Сяоли берегла каждый фэнь⁷. Однако в питании она себя уже не ущемляла, урок с поносом пошел ей на пользу. Ню Сяоли боялась, что если снова заболеет, то помимо трат на лечение еще и потеряет драгоценное время. Поэтому она питалась трижды в день, не забывая про горячее. Поскольку каждый день она ночевала под открытым небом на автовокзале, Ню Сяоли обзнакомилась с лоточниками, что торговали на привокзальной площади. Пока она завтракала, те интересовались, почему она день-деньской проводит в разъездах и спит на вокзале. И тогда Ню Сяоли рассказывала им о своих мытарствах, связанных с поисками аферисток. Лоточники и приезжие сочувствовали Ню Сяоли и на чем свет ругали Сун Цайся и Чжу Цзюйхуа, которые позорили своих земляков. Но от их сочувствия было мало толку – ни в поисках, ни в пополнении кармана это не помогало. После одного дня тщетных поисков начинался другой, и на каждый день требовались деньги. Кроме расходов на питание, только на моторикшу уходило семьдесят-восемьдесят юаней, а если дорога была дальней, то и сто с лишним. Всего три дня назад Ню Сяоли сняла пятьсот юаней, а теперь ей снова пришлось идти в банк. Чтобы сэкономить, она отправлялась в путь едва начинало светать, поскольку боялась, что если уедет позже, то возвращаться ей придется затемно по более высокому тарифу. Некоторые деревни располагались ближе друг к другу, а некоторые – дальше, так что за один день Ню Сяоли в среднем объезжала шесть деревень.

Не успела она и глазом моргнуть, как прошло еще три дня. В тот день она успела объездить шесть деревень, а солнце было все еще высоко. Взглянув на мобильник, она увидела, что было всего полчетвертого. И тогда воодушевленная Ню Сяоли попросила моторикшу съездить еще в одну деревню под названием Идаолянцунь. В этой деревне проживало сразу две Сун Цайся; одну из них Ню Сяоли увидела воочию, другую – на фотографии, обе оказались не теми. Пока то да се, она и не заметила, как стемнело. На обратном пути в уездный центр Ню Сяоли переживала, что моторикша сдерет с нее оплату по ночному тарифу, но тот молчал. На левой щеке у моторикши было большое, размером с ладонь, родимое пятно. Ню Сяоли, которая любила читать роман «Речные заводы», назвала его про себя по имени одного из героев – Синемордый Ян Чжи. Сидя у него в пассажирах, Ню Сяоли думала: «Пусть этот Ян Чжи и безобразен на вид, зато у него доброе сердце, ни дать ни взять – молодец из Ляншаньбо⁸». Пока она пребывала в раздумьях, они миновали горы, и тут Ян Чжи сошел с основной трассы и поехал по направлению к дороге, которая проходила через поле. Ню Сяоли удивилась:

– Братец, ты это куда?

Пока тот ей отвечал, их мопед уже скрылся в поле. Поняв, что дело плохо, Ню Сяоли быстро спрыгнула. Ян Чжи тут же заглушил мотор и спрыгнул следом.

– Братец, тебе чего надо? – спросила Ню Сяоли.

Ян Чжи, глядя на Ню Сяоли, сказал:

– Сестрица, мы с тобой целый день провели вместе, хочу с тобой кое-что обсудить.

– Что именно?

⁷ Самая мелкая денежная единица КНР, $\frac{1}{100}$ юаня.

⁸ Местность на территории современной провинции Шаньдун, известная как база крестьянского восстания. Свою известность получила благодаря классическому роману «Речные заводы».

- Ты мне приглянулась.
- Братец, не нарывайся, – предупредила Ню Сяоли.
- Я не буду поднимать оплату, просто отдайся мне.
- Братец, это невозможно, меня в городе муж дожидается.

Ян Чжи, приближаясь к ней, спросил:

– В этой горной долине на двадцать ли окрест нет ни одной живой души, о каком муже ты говоришь?

С этими словами он ринулся к Ню Сяоли, повалил ее на тропинку, стащил с себя штаны и уже было приготовился стащить штаны с Ню Сяоли, но та не уступала.

- Братец, ты знаешь, что это преступление?
- В этом безлюдном месте кроме нас свидетелей нет, какое еще преступление?
- Давай в другой раз, – взмолилась Ню Сяоли.
- Это почему? – спросил Ян Чжи.
- У меня сейчас женские дела.
- Дай проверю, – потребовал Ян Чжи и запустил свою руку прямо в штаны к Ню Сяоли. Ню Сяоли в это время успела вытащить мобильник.

– Предупреждаю, у меня есть запись.

Ян Чжи убрал от нее руки и спросил:

– В смысле?

– В смысле, что я подстраховалась и сегодня утром переслала мужу на мобильник фото с тобой и твоим мопедом. Так что в случае чего он точно заявит на тебя в полицию.

С этими словами она показала фотографию, на которой Ян Чжи сидел и курил на своем мопеде. Оpoznать его лицо не составляло труда, номер мопеда тоже попал в кадр. Этот опыт она приобрела после почти недели разъездов. Поскольку моторикши, с которыми Ню Сяоли договаривалась о цене, были людьми разными, она взяла за привычку каждый день незаметно их фотографировать. Разумеется, она не высылала эти фото Фэн Цзиньхуа, иначе это только бы осложнило дело. Но на всякий случай она пересылала их на свой старый мобильник, которым уже не пользовалась. Ян Чжи, увидав фото, тут же скис, сполз с Ню Сяоли, натянул штаны и, смачно сплюнув на землю, ругнулся:

– Косяк!

И тут же добавил:

– Вот зараза!

С этими словами он злобно швырнул сумки Ню Сяоли на землю, дал по газам и рванул с места, забыв даже, что она с ним не расплатилась. Ню Сяоли облегченно вздохнула, поднялась с межи, отряхнула одежду, подобрала сумки и пошла в сторону Циньханя. От этой горной долины до города было больше пятидесяти ли. Пока она шла по дороге, в одной из ближайших деревень уже заголосил петух. Увидев наконец городские огни, Ню Сяоли тяжело опустилась на землю и расплакалась.

Прошло полмесяца. За это время Ню Сяоли полностью прочесала двенадцать волостей уезда Циньхань. В двенадцати отделениях полиции она двенадцать раз рассказывала историю про свадьбу Сун Цайся. За это время она успела увидеть больше сотни Сун Цайся. Какие-то из Сун Цайся были молодыми, какие-то – старыми, среди них был даже мужчина. Ню Сяоли настолько насмотрелась на всех этих Сун Цайся, что ее от них уже воротило. Однако среди сотни с лишним Сун Цайся ей не попалось той, которую она искала. То ли Ню Сяоли не так тщательно искала, что позволила Сун Цайся выскользнуть из своих сетей, то ли в полицейских участках двенадцати волостей что-то напутали и забыли зарегистрировать нужную Сун Цайся; то ли Сун Цайся вместо уезда Циньхань проживала вообще в другом месте. Но если она не проживала в уезде Циньхань, то в каком? Ню Сяоли вспомнила, что Сун Цайся хорошо ориентировалась в здешних названиях, и снова уверилась в том, что так жила где-то неподалеку –

если не в Циньхане, то где-то по соседству. Ню Сяоли купила карту. Рядом с Циньханем располагалось еще четыре уезда: Фанхуа, Люцзе, Фулинь и Сунъинь. Но в каком из них проживала Сун Цайся? Ню Сяоли колебалась. Начинать ли ей поиски по второму кругу в уезде Циньхань, или же поменять поле боя и отправиться на поиски в соседние уезды? Допустим, она выберет последнее, но тогда с какого именно уезда ей стоит начать? За полмесяца она столько всего натерпелась, что от одной только мысли заново развернуть поиски ее сердце сжималось от страха. Разумеется, она могла в один момент все прекратить и отправиться домой. К тому же из трех тысяч юаней, которые десять дней назад ей перевел Фэн Цзиньхуа, она уже истратила две с лишним тысячи, так что у нее осталось всего триста с лишним юаней. Чтобы начать новые поиски, ей нужно было снова просить Фэн Цзиньхуа раздобыть деньги, а это означало, что ей вновь придется выслушивать его нудную болтовню. Если же она примет решение вернуться, то будет вынуждена окончательно распрощаться с украденными Сун Цайся ста тысячами. За время поисков Сун Цайся Ню Сяоли потратила больше трех тысяч ста юаней, которые, по сути, были пущены на ветер. А если к ним добавить заем с процентами, то выйдет сто двадцать две тысячи триста с лишним юаней. Вместе с тем Ню Сяоли угнетало то, что полмесяца назад они приехали в эту провинцию втроем, а теперь, когда от нее сбежала Чжу Цзюйхуа вместе с Сяохоу, она не знала, что сказать Лао Синю из деревни Синьцзячжуан. Все эти дни Ню Сяоли полностью сосредоточилась на поисках Сун Цайся, отложив мысли о Чжу Цзюйхуа и Сяохоу на потом. Теперь, вспомнив о них, она снова стала переживать. Иначе говоря, Ню Сяоли должна была найти не только Сун Цайся, но еще и Чжу Цзюйхуа с Сяохоу. Сидя на ступенях привокзальной площади Циньханя, Ню Сяоли, не зная, что делать дальше, все больше погружалась в свою тоску. Потом она пошла в туалет и мимоходом посмотрела на себя в зеркало. Пока она полмесяца носилась по горному району, ее скулы заметно закоптились. Потрогав лицо, Ню Сяоли вздохнула. Выйдя из туалета, она уселась на прежнее место. Тут к ней подседа незнакомая женщина и завязала разговор:

– Из глубинки?

Ню Сяоли повернулась и увидела опрятно одетую женщину тридцати с лишним лет, подстриженную под каре. Не зная, кто она и что ей от нее нужно, Ню Сяоли лишь кивнула. Между тем женщина продолжала:

– Все еще ищешь Сун Цайся?

– А ты откуда знаешь, сестрица? – удивилась Ню Сяоли.

Та улыбнулась.

– Ты так долго живешь на автовокзале, что твою историю здесь уже все знают.

Ню Сяоли вздохнула:

– Искала полмесяца и не нашла, вот и думаю, как быть дальше.

– Я знаю, где Сун Цайся.

Ню Сяоли удивленно схватила собеседницу за руку.

– Как это знаешь? Где же она?

– Она уехала в другую провинцию и там снова вышла замуж.

Ню Сяоли хлопнула себя по лбу и ее вдруг осенило: так вот почему она не могла найти Сун Цайся в уезде Циньхань! Та снова отправилась искать дураков. Но потом она засомневалась.

– Пусть она уехала в другую провинцию, но ведь ее родители должны проживать в уезде Циньхань? За полмесяца я тут все обыскала, но ее родственников почему-то не нашла.

– Она не из Циньханя.

– Тогда откуда?

– Из уезда, что прилегает к Циньханю.

Ню Сяоли словно прозрела – оказывается, ей следовало искать Сун Цайся и ее родителей не в уезде Циньхань. В то же время Ню Сяоли уже сомневалась, что Сун Цайся живет где-

то рядом. В своих лживых историях эта аферистка ушла далеко за пределы уезда, так что размаху ей было не занимать. Впрочем, Ню Сяоли теперь уже не сильно интересовало, в каком именно уезде жили родители Сун Цайся. Ведь если Ню Сяоли выяснит, в какой провинции та снова вышла замуж, можно будет поехать напрямик к ней, и делу край. До сих пор Ню Сяоли разыскивала ее родственников просто от безысходности.

– Ты знаешь, в какую именно деревню, уезд и провинцию она направилась? – спросила Ню Сяоли.

– Знаю, – ответила незнакомка.

Ню Сяоли нетерпеливо спросила:

– Сестрица, скажи мне скорее ее адрес, я поеду ее искать.

И тут же добавила:

– Если поможешь, вовек не забуду твоей милости.

Но, к ее удивлению, женщина улыбнулась и сказала:

– Все не так просто.

– В смысле? – оторопела Ню Сяоли.

– Как можно в наше время предоставлять информацию даром?

Ню Сяоли поняла намек и предложила:

– Говори, сколько хочешь: сто, двести? Я тут же с тобой расплачусь.

– От продавца пельменей я слышала, что Сун Цайся стащила у тебя сто тысяч, а ты предлагаешь мне всего сто или двести юаней, я, по-твоему, дура?

– А сколько ты хочешь?

– Барышники на перепродаже лука с чесноком и то выручают процентов двадцать. А двадцать процентов от ста тысяч – двадцать тысяч.

Ню Сяоли оторопела.

– Так ты на чужой беде хочешь руки нагреть?

Женщина поднялась с места и, собираясь уходить, сказала:

– На нет и суда нет, как говорится, дружба дороже денег.

Ню Сяоли снова ухватила за нее.

– Сестрица, давай еще раз все обговорим.

И тут же добавила:

– Сестрица, двадцать тысяч – сумма немаленькая, у меня при себе таких денег нет. Может, чуть снизишь?

– Хорошо, снижу на пять тысяч. Тогда пятнадцать, но не меньше.

– Пятнадцать тысяч тоже много, у меня при себе лишь триста с небольшим юаней.

– Так попроси родственников переслать на карту, это несложно.

Тут Ню Сяоли подумала, что эта женщина тоже может быть аферисткой, и спросила:

– А как ты узнала, что Сун Цайся живет в соседнем уезде и вышла замуж в другой провинции?

– Младшая двоюродная сестра моего мужа вышла замуж и переехала в соседний уезд, как раз туда, где находится родной дом Сун Цайся. А вчера она приезжала к нам в гости в Циньхань.

Поразмыслив, Ню Сяоли предложила:

– Сестрица, а что, если ты не будешь мне говорить, где Сун Цайся находится сейчас, а назовешь только адрес ее родной деревни? Эта информация не такая важная, а значит, можно сбавить цену.

Женщина усмехнулась.

– Я на твою уловку не поддамся, если я назову тебе адрес ее родственников, то это, считай, то же самое, что я скажу, где сейчас находится сама Сун Цайся.

Тогда Ню Сяоли сменила тон:

– Если этого не скажешь ты, я сама поеду в соседний уезд и обойду все деревни. Я все равно собиралась это сделать.

– Идет. Сведения о том, что деревня Сун Цайся в соседнем уезде, я, можно сказать, предоставила тебе даром. Но подумай, сколько ты потратишь на еду и на транспорт, чтобы обойти деревни сразу нескольких соседних уездов? Если ты подсчитаешь свои расходы, то поимка Сун Цайся обойдется тебе уж точно больше пятнадцати тысяч.

Ню Сяоли уже разузнала, что по соседству с уездом Циньхань находились уезды Фанхуа, Люцзе, Фулинь и Суньинь. Она стала считать в уме: за полмесяца пребывания в Циньхане она потратила больше трех тысяч ста юаней. Если в других четырех уездах у нее на поиски будет уходить столько же времени, сколько в Циньхане, а именно по полмесяца на один уезд, то на прочесывание всех уездов ей потребуется еще два месяца. Дорожные расходы плюс другие траты в течение двух месяцев определенно превышали пятнадцать тысяч. Похоже, что незначительная сумма все просчитала заранее. Но дело здесь было не только в деньгах. За полмесяца, проведенных в Циньхане, Ню Сяоли с чем только не сталкивалась, поэтому она не знала, чем могут обернуться для нее еще два месяца поисков. Ее сердце сжималось при одной мысли о том, что еще два месяца она проведет в мытарствах. Уж лучше она заключит сделку с этой женщиной. Подсчитав затраты по времени и финансам, Ню Сяоли убедилась, что лучше напрямую отправиться к Сун Цайся, чем тратить еще два месяца на поиск ее родного дома.

Вдруг у нее возник еще один вопрос:

– Допустим, я дам тебе деньги и ты дашь мне адрес Сун Цайся, но если Сун Цайся не найдется, не потрачу ли я свои деньги впустую?

– Если у тебя чистые помыслы, условия можно и поменять. Я отправлюсь вместе с тобой, дождусь, когда ты найдешь Сун Цайся, вернешь деньги, а потом уже отдашь мне мои проценты, хорошо?

Оказывается, она могла, как говорится, не отпускать сокола, пока не заметит зайца. Немного поразмыслив, Ню Сяоли рассудила, что это справедливо. При таком раскладе она быстро найдет Сун Цайся и заберет у нее деньги, а заодно избавит себя от головной боли снова звонить домой Фэн Цзиньхуа. Он из-за трех-то тысяч устроил настоящий допрос, а начини она просить еще пятнадцать тысяч, он бы ее и вовсе доконал. Приняв решение, Ню Сяоли посмотрела на женщину и спросила:

– Когда двинемся в путь?

Та улыбнулась.

– Люблю прямых людей. Пойду соберу вещи в дорогу, и после обеда можем ехать.

9

В тот же день после обеда Ню Сяоли вместе с новой знакомой села на рейсовый автобус от Циньханя до административного центра провинции. К вечеру автобус прибыл на место. На автовокзале женщины пересели на городской автобус и доехали до железнодорожного вокзала. Там они сходили в кассовый зал и купили билеты на поезд. По счастью, билеты до административного центра другой провинции еще не были распроданы, более того, их поезд отправлялся через полчаса. Женщины, ликуя от того, что им привалила такая удача, быстро купили билеты. Едва они вышли на платформу, как подошел поезд. Когда они зашли внутрь вагона, там еще оставались свободные места, так что женщины снова порадовались удаче. По пути от автобусного до железнодорожных вокзалов всякий раз, как Ню Сяоли слышала гудок поезда, в ее памяти смутно всплывали события полумесячной давности, когда она, покинув дом, отправилась в уезд Циньхань вместе с Чжу Цзюйхуа и Сяохуо. Они следовали похожим маршрутом, за окнами был тот же пейзаж, те же звуки, изменились лишь попутчики: теперь вместо Чжу Цзюйхуа и Сяохуо с ней ехала женщина тридцати с лишним лет. С одной стороны, Ню Сяоли

казалось, что все, что случилось с ней полмесяца назад, произошло словно вчера. А с другой стороны, за эти полмесяца она пережила столько всего, что ей казалось, что с тех пор минули века. Тут же Ню Сяоли вспомнила, что должна найти не только Сун Цайся, но еще и Чжу Цзюйхуа с Сяохоу. Получалось, что, уезжая в другую провинцию на поиски Сун Цайся, она оставляла в этой провинции Чжу Цзюйхуа и Сяохоу. Однако Ню Сяоли рассудила, что важнее сперва найти Сун Цайся, а Чжу Цзюйхуа и Сяохоу на какое-то время оставить в покое. Разумеется, это было неправильно по отношению к Лао Синю из деревни Синьцзячжуан, но Ню Сяоли не могла разорваться на части. Прежде чем снова отправиться в дорогу, на автовокзале в Циньхане Ню Сяоли избавилась от сумки, мешка и старого одеяла, что оставила Чжу Цзюйхуа. В мешке она нашла последний пучок лука, который спустя полмесяца совсем засох. Взяв его в руки, Ню Сяоли горько вздохнула и выбросила в урну.

Разговорившись в пути с новой знакомой, Ню Сяоли узнала, что ее зовут Су Шуан, что родом она из уезда Циньхань и что в обычное время она торгует одеждой. Су Шуан моталась по всему Китаю и ездила во все места, где можно было заработать деньги. В этот раз, отправляясь в другую провинцию, она, помимо того что обещала помочь Ню Сяоли, поехала еще и по своим делам. Если бы она поехала исключительно ради Ню Сяоли, то пятнадцати тысяч юаней ей вряд бы хватило, чтобы оправдать простой в работе, а так она, можно сказать, одним выстрелом убивала двух зайцев. Услышав такое признание из уст Су Шуан, Ню Сяоли подумала, что та честная и открытая, говорит то, что у нее на уме, и ничего не скрывает. Ню Сяоли успокоилась: то, что в дороге попутчица собиралась решать свои дела, доказывало, что у Су Шуан не было намерения обманывать Ню Сяоли, будь все иначе, Ню Сяоли заподозрила бы подвох. Да и то, что Су Шуан ехала в другую провинцию не только ради Ню Сяоли, избавляло Ню Сяоли от излишних благодарностей в ее адрес. Ведь, по идее, поскольку Су Шуан согласилась сопровождать Ню Сяоли, последняя должна была покупать ей билеты на автобус и на поезд, но перед тем, как отправиться в путь, Су Шуан сама предложила, что в дороге каждый будет платить за себя. Помнится, в тот момент Ню Сяоли смутилась, но теперь, поняв, что к чему, успокоилась.

Поезд шел пятнадцать часов, на следующий день после обеда женщины прибыли в административный центр другой провинции. Ню Сяоли подумала, что они сразу переседут на другой транспорт и поедут в уезд, где Сун Цайся завела новую семью, но Су Шуан сказала, что сперва ей нужно решить в городе одно дело. Поскольку в дороге Су Шуан призналась, что не только помогает Ню Сяоли, но попутно решает личные дела, да и за дорогу она платила из своего кармана, то теперь Ню Сяоли было неудобно ее подгонять. У нее свои дела, у Су Шуан – свои. Разумеется, собственные дела казались Ню Сяоли важнее, но поскольку ее попутчица в дороге раскрыла все карты, то Ню Сяоли было неудобно на нее давить. Поэтому ей ничего не оставалось, как последовать за Су Шуан. Ню Сяоли оценила ум Су Шуан, которая, выложив все начистоту, проявила честность и предупредительность. Су Шуан поймала такси. Ню Сяоли предположила, что они поедут на одеждуную фабрику или на рынок, ведь Су Шуан торговала одеждой. Но кто бы мог подумать, что через сорок с лишним минут такси остановится перед входом в отель? Когда они зашли внутрь, Су Шуан проследовала к стойке регистрации, собираясь снять номер. Она попросила у Ню Сяоли удостоверение личности, но та поспешно сказала:

– Сестрица, мне номер брать не надо, я этот отель не потяну.

Су Шуан в ответ улыбнулась.

– Я беру комнату на двоих, тебе платить не придется, нужно только зарегистрироваться.

Ню Сяоли вытащила документы и передала их Су Шуан. Закончив с оформлением, Су Шуан вернула удостоверение Ню Сяоли. Женщины заселились в номер, и Су Шуан тут же пошла принимать душ. Помывшись, она высунула из ванной обернутую полотенцем голову и обратилась к Ню Сяоли:

– Ты бы тоже помылась. Примешь душ – и как будто заново родишься.

Ню Сяоли зашла в ванную, разделась и стала мыться. А помыться ей уже давно бы не мешало. С тех пор, как она уехала из дома полмесяца назад, она ни разу не принимала душ. Все это время она ночевала под открытым небом на вокзалах, только по утрам умывалась холодной водой из-под крана на привокзальной площади. Где уж ей было мечтать о чем-то большем? Ню Сяоли крутанула вентиль, и ее тут же накрыло водопадом горячей воды. Она с наслаждением выдохнула, казалось, у нее разом раскрылись сразу все поры. Вода была такой горячей, что минуты через две Ню Сяоли почувствовала, что вспотела. Она осторожно потерла кожу, от которой тут же отлетело несколько шматков грязи и приземлилось на кромку унитаза. Ню Сяоли бросила взгляд на дверь ванной – та была плотно закрыта на защелку; тогда она осмелела и принялась тереться как следует. Избавившись от грязи и ополоснувшись, Ню Сяоли вымыла волосы с шампунем и намылила все тело гелем для душа. Ей показалось, что она полегчала на несколько килограммов и словно переродилась. Помывшись, Ню Сяоли тщательно вытерла за собой пол и унитаз и, завернувшись в банное полотенце, вышла из ванной. В зеркале перед кроватью Ню Сяоли залюбовалась своим отражением: она вдруг засияла свежестью и здоровьем, а закопченные в горах скулы теперь отдавали ярким румянцем. Заметив, что на нее внимательно смотрит Су Шуан, Ню Сяоли застенчиво улыбнулась, поспешно вытащила из сумки чистую одежду и снова побежала в ванную, чтобы переодеться. Пока женщины приводили себя в порядок, наступил вечер. Тут Су Шуан сказала, что ее пригласили на ужин друзья и она хочет, чтобы Ню Сяоли пошла вместе с ней. Ню Сяоли не интересовала еда, гораздо интереснее ей было узнать, когда Су Шуан закончит свои переговоры. Ведь на поиски Сун Цайся они могли отправиться, только покончив с ее делами. Су Шуан объяснила, что за ужином она как раз собирается провести переговоры, то есть сегодня Су Шуан завершит свои дела, а завтра они отправятся в путь. Ню Сяоли успокоилась, но тут же сказала:

– Сестрица, на ужин лучше иди одна, я подожду тебя в отеле.

– Это почему? – спросила Су Шуан.

– Нехорошо, если во время твоего разговора о делах я буду сидеть рядом.

– Но ведь мы занимаемся продажей одежды, а не наркотиков, никаких секретов у нас нет.

Ню Сяоли заколебалась, но потом снова сказала:

– Я же деревенская, разговаривать не умею, буду чувствовать себя не в своей тарелке, только опозорюсь.

Су Шуан прыснула со смеху.

– Будто бы торгаши все как один представляют императорскую родню.

Видя такую реакцию Су Шуан, Ню Сяоли было сложно отнекиваться дальше, и она решила присоединиться. Су Шуан снова поймала такси. Через полчаса они подъехали к набережной. Водитель остановился напротив ресторана. Едва Су Шуан вместе с Ню Сяоли вышла из машины, как к ней тут же с криками: «Сестрица!» ринулись две девицы. Оказывается, под друзьями Су Шуан подразумевала этих девушек. На вид им было чуть больше двадцати лет, то есть они были примерно ровесницами Ню Сяоли. У одной из них была короткая стрижка, у другой – обычный хвост, их одежда ничем примечательным не выделялась. Су Шуан представила их Ню Сяоли: девушку с короткой стрижкой звали Ван Цзинхун, а девушку с хвостом – Ли Байцин. После этого Су Шуан представила им Ню Сяоли, и девушки сразу же завязали с ней непринужденный разговор. Похоже, настроены они были дружелюбно, поэтому Ню Сяоли успокоилась. Вчетвером они вошли в ресторан и проследовали в отдельный кабинет, где их уже ждал котел с кипящим бульоном. Вокруг общего котелка стояло множество тарелочек с тонкой нарезкой из баранины и говядины, шариками из рыбного фарша, а также с доуфу, крахмальной лапшой, пекинской капустой... Ван Цзинхун стала спрашивать Ню Сяоли, откуда она, сколько ей лет, чем занималась в родных краях. Когда Ню Сяоли сказала, что подрабатывала на сельской швейной фабрике, Ван Цзинхун и Ли Байцин воскликнули: «Так мы коллеги!» Когда все уселись за стол и, зажав палочками кусочки мяса, стали полоскать их в кипящем бульоне, Ли

Байцинъ спросила Ню Сяоли, зачем та приехала в их края, и тогда Ню Сяоли во всех подробностях начала рассказывать, как она искала Сун Цайся, как потом потеряла Чжу Цзюйхуа и Сяохоу, как потом развернула поиски по всему уезду Циньхань, как наконец повстречала Су Шуан и как вместе с ней приехала сюда. Ван Цзинхун и Ли Байцинъ, забыв про еду, сочувственно вздыхали. Поговорив о мытарствах Ню Сяоли, все снова вернулись к трапезе. Ван Цзинхун и Ли Байцинъ стали делиться с Су Шуан последними местными новостями. Ню Сяоли их просто слушала и ела. Поскольку бульон в их котелке был достаточно острым и жирным, Ню Сяоли вскоре покрылась испариной. Ван Цзинхун, посмотрев на нее, заметила:

– Какие розовые щечки, просто красота.

Ню Сяоли, показывая на свои закопченные скулы, смущенно ответила:

– Это я так на солнце загорела.

И тут же добавила:

– Да разве я красивая? Это вы красивые.

– Загар – это ничего, перестанешь мотаться, и постепенно сойдет, – заметила Ли Байцинъ.

– В тебе есть что-то особенное, – вторила подруге Ван Цзинхун.

– И что же во мне особенного? – спросила Ню Сяоли.

Ван Цзинхун и Ли Байцинъ в один голос произнесли:

– Похожа на иностранку.

Тут и Су Шуан, улыбаясь, подтвердила:

– Я ее когда в первый раз увидела, сразу поняла, что она не похожа на китайку.

Ню Сяоли вспомнила, как полмесяца назад по дороге в провинцию N в одну из ночевков на вокзале под открытым небом малыш Сяохоу стал гладить ее лицо, а Чжу Цзюйхуа произнесла точно такие же слова.

В это время к ним в кабинет вошел средних лет мужчина с вытянутым лицом и лысой макушкой. Су Шуан представила его Ню Сяоли как хозяина одежной фабрики, директора Фу. Директор Фу приветливо улыбнулся Ню Сяоли, снял верхнюю одежду и тоже присел к столу. Ван Цзинхун и Ли Байцинъ принялись подшучивать над его внешностью, тот пытался острить в ответ, но поскольку директор немного заикался, то едва он собирался отпустить шуточку в их сторону, как девушки уже произносили очередную колкость. Мужчина лишь отражал удары, не успевая на них отвечать, и наконец от безысходности рассмеялся и вовсе замолчал. Глядя на этого растерянного бедолагу, Ню Сяоли тоже украдкой улыбнулась. На швейной фабрике, где она работала, не нашлось бы ни одного рабочего, который бы позволил себе так фамильярничать с директором. В этом смысле директор Фу казался человеком достаточно простым. Когда директор Фу поел, Су Шуан сказала, что хочет поговорить с ним о делах. Тот сразу отложил палочки, и они оба вышли из кабинета. Минут через десять Су Шуан вернулась с бумажным пакетом в руках, директора Фу с ней уже не было.

– А где директор? – спросила Ван Цзинхун.

– Обиделся на вас, рассердился и убежал, – ответила Су Шуан.

Ван Цзинхун и Ли Байцинъ громко рассмеялись в ответ. В этот момент официант принес лапшу и опустил ее в котел, после чего четверо девушек снова принялись за еду. Пока они ели, Ли Байцинъ кто-то позвонил, поговорив, она сослалась на дела и собралась уходить. Ван Цзинхун последовала ее примеру. Су Шуан спросила Ню Сяоли, поела ли она; та ответила, что поела, и все четверо покинули ресторан. В такси по дороге в отель Ню Сяоли спросила Су Шуан, решила ли та свои дела. Су Шуан ответила, что решила, и Ню Сяоли окончательно успокоилась. Вернувшись в отель, они обе помылись, почистили зубы и улеглись в постель, потом Ню Сяоли поинтересовалась, во сколько им завтра лучше встать, чтобы отправиться на поиски Сун Цайся. И тут Су Шуан сказала:

– На самом деле нам с тобой уже не нужно искать Сун Цайся.

– Как это не нужно! Если я ее не найду, кто вернет мне сто тысяч? – удивилась Ню Сяоли и тут же добавила: – Если мы ее не найдем, то и ты не получишь свои пятнадцать тысяч.

– Даже если мы ее найдем, то совсем не обязательно, что она вернет тебе деньги, – ответила Су Шуан и добавила: – В таком случае я не получу свое вознаграждение.

– Это почему? – спросила Ню Сяоли.

– Вот скажи мне, – спросила Су Шуан, – эта Сун Цайся бедная или богатая?

– Да какая разница! В любом случае нельзя же быть такой аферисткой.

– Да я не про это, – продолжила Су Шуан, – я о том, что если женщина продает себя, то она наверняка бедная. Дочь миллиардера не будет торговать своим телом. А раз она бедная, то и в семье у нее нет ни гроша. К таким если деньги попадают, то сразу же бесследно исчезают. Они что камешек, брошенный в море: булькнул – и нет его.

Ню Сяоли, всхлипывая, спросила:

– То есть, по-твоему, выходит, что я полмесяца зря искала ее в Циньхане? И с тобой сюда тоже приехала зря?

– Именно поэтому я и говорю, что искать ее нет смысла.

– Но тогда в Циньхане ты так не говорила.

– Я только в дороге до этого додумалась.

– И что же мне делать? Возвращаться домой с пустыми руками?

– Об этом я тоже думала всю дорогу и придумала для тебя другой выход.

– Какой?

– Подучишься у Ван Цзинхун и Ли Байцин и будешь зарабатывать так же, как они.

– Пойти, как они, работать на одеждуную фабрику? И сколько я смогу там заработать за месяц? Дома на швейной фабрике мне платили тысячу восьмьсот юаней в месяц, и когда же мне удастся заработать сумму, украденную Сун Цайся? Сто тысяч-то.

– Они работают не на фабрике, они просто так представляются.

С этими словами Су Шуан взяла стоявший у кровати бумажный пакет. Ню Сяоли уже видела его за ужином: когда Су Шуан выходила поговорить с управляющим о делах, назад она вернулась с этим пакетом. Тут Су Шуан одну за другой стала вытаскивать из пакета пачки денег. Сложив их на прикроватную тумбочку, она сказала:

– Здесь сто тысяч, их можно заработать за десять ночей.

Ню Сяоли удивилась, она не до конца понимала, что это значит. Но вдруг до нее дошло, и, вскочив с кровати, она возмутилась:

– Что это значит? Хочешь сделать из меня проститутку?

Су Шуан презрительно усмехнулась.

– Думаешь, проститутка может заработать за ночь десять тысяч? Здешние девицы за ночь берут четыреста юаней.

– Тогда чем я должна заниматься? – непонимающе спросила Ню Сяоли.

– Тем же, чем Ван Цзинхун и Ли Байцин, – работать порядочной девушкой.

– А чем занимаются порядочные девушки?

– Днем – ничем, а по ночам спят с клиентами.

– И чем они отличаются от проституток?

– Люди с положением не ищут проституток, это опасно и нечистоплотно, поэтому они нанимают порядочных девушек.

– А что это за люди с положением?

– Это те, у кого есть власть и деньги.

Ню Сяоли вспомнила, что эти сто тысяч появились у Су Шуан в ресторане после разговора с мужчиной.

– Такие, как директор Фу? Он ведь наверняка не просто директор одежной фабрики?

– Он не директор фабрики, он тоже так лишь представляется.

– А кто же он? – удивилась Ню Сяоли.

– Он застройщик. Внешность обманчива – его состояние измеряется десятками миллиардов. В этом городе много домов, которые построил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.